

БЫТЬ ДВОРЯНКОЙ

Жизнь высшего
светского общества

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Как жили женщины разных эпох

Быть дворянкой. Жизнь высшего светского общества

«Алгоритм»

2017

УДК 394.011(47)
ББК 63.5(2)

Быть дворянкой. Жизнь высшего светского общества /
«Алгоритм», 2017 — (Как жили женщины разных эпох)

ISBN 978-5-906914-87-3

Жизнь дворянки в светском обществе XIX века начиналась с ее первого бала. В своем сложном тюлевом платье на розовом чехле вступала она на бал так свободно и просто, как будто все эти розетки, кружева, все подробности туалета не стоили ей и ее домашним ни минуты внимания, как будто она родилась в этом тюле, кружевах, с этой высокою прической, с розой и двумя листками наверху. Первый бал для дворянки знаменовал начало взрослой жизни. Рауты и балы, летние вечера в дворянских усадьбах и зимние приемы в роскошных особняках, поиск женихов, помолвка и тщательные приготовления к свадьбе... Обо всем этом расскажут героини книги: выдающиеся женщины петербургского светского общества, хозяйки литературных салонов, фрейлины, жены и возлюбленные сильных мира сего.

УДК 394.011(47)
ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-906914-87-3

, 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Елена Владимировна Первушина	6
Анна Петровна Керн (Маркова-Виноградская)	14
№ 1	14
№ 2	16
№ 3	19
№ 4	23
№ 5	26
№ 6	29
№ 7	32
№ 8	36
№ 9	37
№ 10	39
№ 11	43
№ 12	45
№ 13	49
№ 14	51
№ 15	53
№ 16	56
№ 17	57
№ 18	59
№ 19	61
№ 20	64
№ 21	66
№ 22	68
№ 23	71
№ 24	72
№ 25	74
№ 26	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Быть дворянкой
Жизнь высшего светского общества
Составитель Елена Первушина

© Е. Первушина (авт. – сост.), 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Елена Владимировна Первушина

Предисловие

Что первым приходит в голову, когда мы говорим о XIX веке. Какой образ? Золотое шитье мундиров и белые платья с кринолинами? Пары, плывущие в вальсе? Светский раут или вечер в тихой усадьбе? В любом случае эта картинка скорее всего будет связана с жизнью дворянства. Только редкий оригинал правдолюб припомнит в первую очередь, например, стихи Некрасова:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую...

Меж тем дворянство составляло всего 1,5 % от населения России. Из них 2/3 семейств являлись дворянами потомственными, а 1/3 – пожалованными за личные заслуги или в соответствии с занимаемой должностью.

В число потомственных дворян входила прежде всего допетровская знать, старинные боярские роды, но также и большое число «выдвиженцев» петровского времени, получивших дворянство и земельные наделы за службу государству.

За время своего краткого правления Петр III успел принять весьма важный манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Этим законом, впервые в истории России дворяне освобождались от обязательной 25-летней гражданской и военной службы, могли выходить в отставку и беспрепятственно выезжать за границу. Однако по требованию правительства обязаны были служить в вооруженных силах во время войн, для чего возвращаться в Россию приходилось под угрозой конфискации землевладений.

«Первый бал Наташи Ростовой».
Художник Л. Пастернак. 1893 г.

«Он предложил ей тур вальса. То замирающее выражение лица Наташи, готовое на отчаяние и на восторг, вдруг осветилось счастливой, благодарной, детской улыбкой. „Давно я ждала тебя“, – как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка своей просявшей из-за готовых слез улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея».
(Л. Толстой «Война и мир»)

Основные положения указа Петра III были подтверждены законодательным актом Екатерины II от 21 апреля 1785 года в известной «Жалованной грамоте дворянству 1785». Эти законы позволили дворянам жить на доходы со своих земель и не заниматься государственной службой, если к тому не лежала душа. Кроме того, дворяне имели право, не вступая в купеческую гильдию, торговать сельскохозяйственной или промышленной продукцией, произведенной на собственной земле. До 1863 года дворяне-землевладельцы имели исключительное право заниматься винокурением. Если дворянин за совершение преступления бывал приговорен к смертной казни или лишению прав дворянского состояния, его наследственная собственность отходила к его законным наследникам, а не подвергалась конфискации государством. Екатерина также впервые созвала Уездные дворянские собрания и повела каждые три года избирать местных дворян для отправления судебных и полицейских функций в сельской местности. Официальными руководителями и представителями дворянства в его новой корпоративной роли стали уездные предводители дворянства – административное учреждение, тоже созданное в 1766 году для данного случая.

Всю внутреннюю политическую историю России в XVIII–XIX веках можно рассматривать, как историю компромиссов между императорской семьей и крупным дворянством. Император Павел I частично отменил привилегии дворянства, что и послужило одной из причин его убийства. Александр I, взойдя на престол, тут же вернул дворянам отнятые у них права. Николай I урезал право выезда за границу и восстановил обязательность службы государству для приписанных к Западным губерниям польских дворян, владевших менее чем сотней крепостных. Дав свободу крепостным, Александр II ликвидировал самую ценную из дворянских привилегий. Последовавшие за этим массовые продажи ставших без дарового труда убыточными имений и исход дворян в города многими воспринимались как «гибель России». Однако некоторые современные историки, проанализировав документы тех лет, приходят к выводу, что капитал, вырученный как от продажи, так и от залога земли, чаще всего вкладывался в торговлю и промышленность, где приносил куда большую прибыль, чем в сельском хозяйстве. Таким образом те, кто был связан с землей лишь по праву рождения, предпочли распрощаться с «отеческими наделами» и попытать удачи на ином поприще. Многие дворяне воспользовались новыми возможностями и переехали в города, где обрели более родственную культурную среду и новое положение в общественной жизни. Оставшиеся на земле меньшинство продолжало сокращаться по численности и по площади принадлежавших ему земель, но зато это меньшинство превращалось в группу преданных своему делу, ориентированных на рынок и на прибыль производителей.

Несмотря на то, что судьба дворянки внешне представлялась завидной, главная проблема, стоявшая перед ней, была той же, что и для крепостной крестьянки: отсутствие личной свободы. Может быть, несвобода дворянки не очевидна на первый взгляд, но ее было легко обнаружить при взгляде более пристальном.

Сословное положение, социальный статус и образ жизни женщины в России XIX века зависели от происхождения ее отца и отчасти мужа. Буквально до самого конца XIX века женщина не могла сделать собственной карьеры, она получала положение в обществе лишь через рождение или замужество. Имея обязанности взрослого человека, она обладала правами и возможностями ребенка. Такая жизнь могла на первый взгляд показаться веселой и беззаботной, но на самом деле было очень сложной. Женщины-дворянки были вынуждены в буквальном смысле жить тем, что они выпросят или выманят у мужчин. Три наших героини каждая по-своему решали эту проблему.

* * *

Анна Петровна Полторацкая (с первым замужестве – Керн, во втором – Маркова-Виноградская) была родом из семьи небогатых орловских помещиков, вместе с родителями она сначала жила в усадьбе деда с материнской стороны – орловского губернатора Ивана Петровича Вульфа, а позже – в уездном городе Лубны Полтавской губернии. Она вышла замуж в 17 лет, и вышла не по любви, а по воле родителей, за пятидесятидвухлетнего генерала Ермолая Федоровича Керна. Характер у генерала Керна был весьма суровый и деспотичный, и Анна предпочитала проводить как можно больше времени вдали от него. Правда, она родила генералу двух дочерей, но воспитанием ребенка и «сохранением семейного очага» занималась безо всякой охоты. Тем больше Анна ценила дружеские отношения – с семьей Раевских, с семьей Олениных и наконец с семьей Вульфов. В петербургском доме Олениных в 1819 году она познакомилась с Пушкиным и окончательно влюбила в себя поэта, когда гостила летом 1825 года в псковском имении Прасковьи Осиповны Вульф Тригорское, которое располагалось совсем рядом от Михайловского, где коротал свои дни ссыльный поэт. Именно этому «случайному сближению» усадеб и судеб мы обязаны появлением на свет знакомых нам с детства строк: «Я помню чудное мгновенье».

Но знакомство с Пушкиным было, хотя и ярким, но отнюдь не единственным романом в жизни Анны. Ее дневники пестрят фамилиями и псевдонимами мужчин, удостоившихся ее благосклонного взгляда. Потом она полюбила своего троюродного брата 16-летнего кадета Первого Петербургского кадетского корпуса, Александра Маркова-Виноградского, переехала к нему, порвав со светским обществом, родила сына и, дождавшись смерти Керна, во второй раз вышла замуж. Это случилось 25 июля 1842 года.

Вместе с мужем и ребенком (сына, как и отца называли Александром) она долго жила в деревне Сосница Черниговской губернии – в доме деда Анны Петровны. К тому времени Анна уже была больна туберкулезом, и родные боялись везти ее в Петербург. Чтобы как-то свети концы с концами Анна подрабатывала переводами, потом продала свою переписку с Пушкиным. Когда она обратилась к поэту с просьбой познакомить ее с издателем Смирдиным, тот в ответ только высмеял ее. Но Анна писала из деревни сестре мужа Елизавете Васильевне Бакуниной: «Бедность имеет свои радости, и нам хорошо, потому что в нас много любви... может быть, при лучших обстоятельствах мы были бы менее счастливы...»

Позже они все же переехали в столицу – второй муж Анны был не богат, и чтобы зарабатывать на жизнь нашел место гувернера, затем столоначальника в департаменте уделов. Супруги встречались с Ф. И. Тютчевым, П. В. Анненковым, И. С. Тургеневым. Потом Александр Васильевич вышел в отставку и бедность снова поселилась в их доме... Анна Петровна с мужем умерли в один год. Он – 28 января 1879 года, она – пять месяцев спустя – 27 мая.

* * *

Другая героиня этой книги – Александра Осиповна Смирнова (по мужу Россет) родилась на Украине в 1809 году. Ее отец – француз, из старинного рода, был комендантом порта Одессы и умер во время эпидемии чумы, когда дочери было всего пять лет. Мать вскоре вторично вышла замуж за И. К. Арнольди, с которым маленькая Александра не поладила. Ее увезли к бабушке, а позже отдали на воспитание в Петербург, в Екатерининский институт. Выйдя из стен института, Александра очень не хотела возвращаться в родной дом и встречаться с отчимом, который во время приезда в Петербург недвусмысленно приставал к ней, поэтому она была рада принять приглашение занять место при дворе. Она быстро при-

жила в Фрейлинском коридоре, вместе с двором ездила в Москву и в Царское Село, скучала на приемах и весело проводила время со своими подругами-фрейлинами. В Павловске она познакомилась с семейством знаменитого историка Карамзина, а на одном из балов – с Пушкиным. Александр Сергеевич оценил ее красоту и живой характер, но в своих стихах обращенных к князю Вяземскому, он отдает предпочтение Анне Олениной, за которой тогда ухаживал.

Она мила – скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза,
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!

(Забавно, что в первоначальном варианте, записанном в альбом Олениной, вторая строчка читается «твоя Россетти, егоза»). Видимо недаром друг и учитель Пушкина Василий-Андреевич Жуковский называл ее в своих стихах «небесным дьяволенком»).

Сама же Александра признавалась позже биографу Пушкина П. И. Бартеневу: «Ни я не ценила Пушкина, ни он меня. Я смотрела на него слегка, он много говорил пустяков, мы жили в обществе ветреном. Я была глупа и не обращала на него особенного внимания».

Однако позже, когда Александра уже перестала быть фрейлиной, хотя и осталась светской женщиной, Пушкин посвятил ей такие стихи:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

В 1832 году Александра выходит замуж за сына богатого помещика, молодого дипломата Николая Михайловича Смирнова. «В начале я была к Смирнову расположена, – будет она позже рассказывать человеку, которого полюбит. – Но отсутствие достоинства оскорбляло и огорчало меня, не говоря уже о более интимных отношениях, таких возмутительных, когда не любишь настоящей любовью».

В своем салоне она собирала литературную элиту Петербурга. Ее гостями были Пушкин, Одоевский, Вяземский, Жуковский и многие другие.

Ее первый ребенок – мальчик – оказался слишком крупным и умер во время родов. Тем не менее Александре очень хотелось иметь детей, хотя врачи и не рекомендовали ей этого. «Как я люблю чувствовать, как движется маленькое существо, – писала она, – если что-то острое, говоришь себе: ножка или ручка, если круглое – головка».

Во второй раз забеременела в 1834 году. По этому поводу Пушкин пишет жене: «Отвечаю на твои запросы: Смирнова не бывает у Карамзиных, ей не всташить брюха на такую лестницу...», позже: «Смирнова на сносях. Брюхо ее ужасно; не знаю, как она разрешится...». Однако на этот раз все обошлось, хотя роды и сопровождались по свидетельству Александры «ужасающим кровотечением». Она благополучно родила двух дочерей Александру и Ольгу и отправилась в Баден-Баден на воды поправлять здоровье. Там она пережила по ее словам «роман всей своей жизни» – влюбилась в генерал-губернатора Молдавии и Валахии Николая Киселева, бывшего сослуживца мужа.

Муж вечерами играл в рулетку, а она рассказывала Киселеву о своей жизни, о замужестве и отвращении к интимным отношениям с мужем, о радостях беременности и тяготах родов, о своих детях. В то время она снова была беременна и родила несколько месяцев спустя дочь Софью.

В 1837 году она похоронила трехлетнюю Александру, позже родила дочь Надежду и долгожданного сына Михаила.

В 1838 году, на время возвратившись в Петербург, Александра познакомилась с М. Ю. Лермонтовым. Литературоведы считают, что он описал свои впечатления в неоконченной повести «Лугин»: «...Она была среднего роста, стройна, медленна и ленива в своих движениях; черные, длинные, чудесные волосы, оттеняли ее молодое и правильное, но бледное лицо, и на этом лице сияла печать мысли. Лугин... часто бывал у Минской. Ей красота, редкий ум, оригинальный взгляд на вещи должны были произвести впечатление на человека с умом и воображением...»

Позже в Риме Александра сдружилась с художником Александром Ивановичем Ивановым и с Николаем Васильевичем Гоголем. Много лет Смирнова с Гоголем вели переписку. Он посвятил ей свои статьи в сборнике «Выбранные места из переписки с друзьями»: «Женщина в свете», «О помощи бедным», «Что такое губернаторша» – к этому времени муж Александры стал калужским губернатором.

Умерла Александра Осиповна в 1882 года Париже, согласно завещанию похоронена в Москве.

* * *

Имя третьей героини этой книги не так широко известно публике, а между тем Вера Петровна Желиховская была родом из очень интересной и необычной семьи. Ее мать Елена Андреевна Ган приходилась двоюродной сестрой поэтессе Евдокии Ростопчиной. Другой ее кузиной была Екатерина Сушкова, а которую одно время был страстно влюблен Лермонтов. Екатерина познакомила свою двоюродную сестру с поэтом, и он произвел на нее очень сильное впечатление. Говоря о родстве Ган и Желиховской остается добавить только, что среди их предков по женской линии была Наталья Долгорукая, невеста ближайшего друга Петра II. Которая после смерти юного императора и опалы его приближенных все же не отказалась от своего жениха и уехала вслед за ним в Сибирь, а после, вернувшись в Петербург, написала «Своеручные записки», которые считаются первыми женскими мемуарами, написанными на русском языке. Имея такую родню, не мудрено, что Елена тоже стала писательницей. Ее перу принадлежит повесть повести «Медальон», «Суд света», «Теофания Аббадижо», «Напрасный дар», «Любонька», «Ложа в одной опере». Ее произведения получили одобрение Тургенева и Белинского.

Родная сестра Елены, Екатерина, вышла замуж за Юлием Федоровичем Витте и таким образом известный российский государственный деятель, министр финансов России Сергей Юльевич Витте приходился нашей героине кузеном. А родной сестрой Веры Андреевны была не кто иная, как... знаменитая теософка Елена Андреевна Блавацкая.

Вера Петровна унаследовавшая талант матери, также стала писательницей. Но ей пришлось жить в совсем другие годы. Она родилась в 1835 году, когда еще жив был Пушкин, а умерла в 1896 в буквальном смысле слова «вместе с веком». За это время в России многое переменялось. Если в начале века девушка или женщина, учившаяся слишком много или изучавшая «не женственные» дисциплины, рисковала оказаться белой вороной и вместо восторгов заслужить славу «нелюдимки» (так назвалась одна из пьес Евдокии Ростопчиной), «философки» или «синего чулка». То в конце его необразованные и экзальтированные девицы, которых по старинке выпускал Смольный институт, получали от своих сверстниц-гимназисток презрительные прозвища «институтки» или «кисейные барышни».

Вера Петровна отнюдь не была кисейной барышней. О ее характере лучше всего скажет название одной из ее книг «Мала былинка, да вынослива». Она вышла замуж за директора гимназии в Тифлисе В. И. Желиховского и еще при жизни мужа начало публиковать очерки в местных журналах. Желиховский умер в 1880 году и Вера Петровна перебралась в Петербург, где публиковала книги для детей и юношества (в том числе несколько фантастических повестей), сотрудничала с журналами «Игрушечка», «Родник», «Детское слово», «Задушевное чтение», «Нива», «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение». Защищая память своей сестры она написала статьи по теософии, а также книгу о таинственных явлениях человеческой психики «Необъяснимое или необъясненное».

Умерла Вера Сергеевна в Петербурге, была похоронена в Одессе.

* * *

В течение XIX века женщины завоевали права, получили возможность строить свою жизнь по собственному выбору. Завоевали не только политической борьбой, но и литературным трудом. Конечно, не без трудностей и не без ошибок, но ведь трудности и ошибки были и раньше, а вот возможности их исправить не было. Но тут же перед ними встал новый вопрос: как женщины могут преобразовать общество, сделав его более справедливым и комфортным для себя и для других? Искать ответ на него пришлось уже женщинам XX и XXI века.

«Вечеринка».

Художник В. Маковский. 1875–1897 гг.

Анна Петровна Керн (Маркова-Виноградская) Дневник для отдохновения, посвященный Феодосии Полторацкой, лучшему из друзей

№ 1

Псков, 23 июня 1820.

Я обещала поверять вам все мои мысли, а также поступки, ни в чем не меняя порядка, который заведен был у нас в то блаженное время, когда мне не приходилось прибегать для этого к помощи пера и бумаги. Время это прошло безвозвратно, и оплакивать его бесполезно. Я утешаюсь надеждой, сией опорой несчастных: вера в божественное провидение позволяет мне уповать на будущее. Неужто и в будущем, хотя бы самом отдаленном, небо откажет мне в той единственной милости, о коей я прошу его в горячих моих молитвах? Нет, невозможно мне быть счастливой вдалеке от тех, кого я люблю. Итак, я здесь прозябаю, усердно стараюсь выполнять долг свой, во всем следуя наставлениям добродетельного моего друга, навсегда запечатлевшимся в моей памяти: мне удастся быть почти спокойной, когда я занята, а без дела я никогда не сижу, постоянно читаю либо пишу что-нибудь, сама поверяю счета, занимаюсь своей дочерью, словом, за весь день, можно сказать, минуты свободной нет, но если вдруг что-нибудь напомнит мне Лубны, мне делается так больно – невозможно описать вам чувства, которые меня тогда охватывают. Чтобы обрести сколько-нибудь спокойствия, мне надобно позабыть о пленительном призраке счастья, но как вычеркнуть из памяти ту единственную пору моего существования, когда я *жила*? Как расстаться со сладостной мечтой души моей? За те упоительные дни блаженства и должна я теперь покорно и терпеливо сносить все. Да, никто никогда не любил так, как любила я, и ни у кого еще не было более достойного избранника. Откладываю перо, боюсь совсем разволноваться.

Вообразите, куда ни брошу взгляд, всюду нахожу я раздирающие душу воспоминания: вот подсвечник, подарок лучшей и нежнейшей из матерей, а вот передо мной мой *альбом*, сей «Язык цветов», с помощью которого я могу беседовать с вами, мой ангел, слева от меня – образа, напоминающие мне то место, где они прежде находились. У меня иной раз до того разыгрывается воображение, что чудится, будто их трогает моя судьба и они печалятся о том, что я несчастна. Представьте себе, я не могу надеть то платье, в котором ходила у вас, мне кажется это чем-то кощунственным, я сшила себе новое, домашнее – оно-то хоть не будет связано ни с какими воспоминаниями, мне подарил его муж, оно из коричневой материи, как [неразб.] и обошлось, кажется, всего в 23 рубля. Есть еще и другие платья, вызывающие кое-какие нежные воспоминания, я даже смотреть на них не могу, слишком делается от этого грустно.

Звонят к вечерне, завтра праздник, Иванов день! Только для вашей Анеты нет больше праздников! В том счастливом краю, где живете вы, в этот вечер горят веселые огни, а у меня здесь все те же огни *жасмина*.

24-го, полдень.

Только что вернулась от обедни. По чрезмерной своей мягкости, я дала себя уговорить и вопреки собственному желанию поехала в монастырь, где нынче престольный праздник, а следовательно, много народу. Обедню служил архиерей. Очень я раскаивалась в том, что поехала, и мысленно давала себе слово не быть впредь столь сговорчивой. Когда искренне жаждешь предаться молитве, делается не по себе в толпе всех этих людей, кото-

рые обычно приходят в церковь лишь затем, чтобы покрасоваться. Невольные слезы, что исторгает молитва из глубин взволнованной души, не могут свободно излиться среди такого множества людей, устремивших на тебя свои взоры. Так было и сегодня со мной. Я проклинала себя за несносную свою податливость и дорого бы дала, чтобы остаться незамеченной и иметь возможность вволю поплакать, благодаря создателя за прежние дни счастья, что он даровал мне. Я твердо решила отныне ходить только в ту церковь, где менее всего бывает народу.

25-го, в 5 часов пополудни.

Нынче я в самом мрачном расположении духа, то есть еще более мрачном, чем все прошлые дни. Я и сама не понимаю, отчего я стала всего бояться, даже стала суеверной, – сущий пустяк, сон какой-нибудь, и я уже сама не своя; вот сегодня мне приснилось, будто я потеряла правую серьгу, а потом нашла ее сломанной, и мне уже кажется, что это не к добру, и не иначе как предзнаменование какое-то, потому что я никогда и не думаю о подобных вещах, а ведь снится нам, я в этом уверена, только то, о чем мы думаем. С тех пор как мы с вами расстались, не было ни одной ночи, чтобы мне не приснились Лубны, только на первом месте в этих снах Мирт, а Барвинок на втором.

Не кажется ли вам, милый друг, что сны посылаются нам небом, дабы, утешая нас в наших горестях и уменьшая наши печали, тем самым вознаградить за дневные страдания. Я всякий раз, когда мне снится, будто я с вами, возношу благодарность господу за его милость, и тогда почти уверена, что он мною доволен.

Погода нынче отвратительна, муж отправился на учения за восемь верст отсюда. До чего я рада, что осталась одна, – легче дышится. Все сегодня словно сговорились мучить меня воспоминаниями – Киру Ивановичу вдруг пришла фантазия сыграть на гитаре несколько мотивов, и выбрал он как раз те самые, что играл в Лубнах, а я не могу слышать их спокойно. Но от чего я совсем разволновалась, так это от польского – помните, мы танцевали его несколько раз под гитару? Никогда этого не забуду; как больно мне, когда я вспоминаю о вас, и вместе с тем как хорошо. Эти чувства так теснят мне грудь, что становится трудно дышать.

Я сделала выписки из одной очень хорошей книги, которую только что прочла, «Эмили Монтань», посылаю их вам с этим номером дневника вместе с размышлениями, к коим они меня побудили; я уверена, что вы, как и я, найдете в этих отрывках много справедливого, ведь у нас с вами родственные души, все, что трогает меня, должно тронуть и вас, все, что меня поражает, должно и вас поразить. Но в одном я твердо уверена – что бы ни послала вам ваша Анета, все будет вам только приятно.

26-го, в 10 утра, суббота.

Благодарю тебя, о господи, за счастливое пробуждение. Спасибо, мой ангел, за ваше письмо, да будет с вами благословение божие, да осыплет он вас бесконечными своими милостями. Если бы вы только могли вообразить себе, до чего я была счастлива, получив ваше письмо, – просто невозможно выразить это словами. Я обожаю Шиповника и Барвинка, так ясно представляю себе, как он благодарит вас взглядом, исполненным нежности; у меня выписано тут одно выражение, которое очень подходит к его глазам: «Я не знаю человека, которому так полезны были бы глаза его, ему словно нет даже надобности произносить слова, чтобы быть понятым, они говорят все, что он хочет сказать». И в самом деле, ведь мы не обменялись с ним и десятью словами, а сколько друг другу сказали! Как хорошо я знаю его душу! Ведь она прекрасна, не правда ли, мой ангел, разве не достойна она общения с моей душой и с вашей?

№ 2

Мне пришла в голову одна мысль – помните эстамп, который я просила дать закончить тому юноше, – пусть он изобразит офицера в форменном сюртуке, со скрещенными на груди руками, это будет точь-в-точь *Шиповник* во время нашего последнего прощания. И я могла бы сама дорисовать то, что окончательно дополнило бы иллюзию, – то есть эксельбант.

Вот причина, почему я беспокойно провела ночь, – уснула я уже под утро, и мне привиделся сон – будто муж привел меня к предсказательнице, а та велит мне взойти в какую-то каморку, задает всякие вопросы, а потом вдруг говорит, что скоро я соединюсь с Шиповником. Вы представить себе не можете, до чего я поражена была, когда она произнесла его имя.

Суббота, в половине пятого.

Как я сегодня счастлива! Читала и перечитывала ваше прелестное письмо более десяти раз. Кто еще может похвалиться тем, что обладает подобным сокровищем? Да никто. Ваша Анета единственная счастливица. Небо подарило ей друга, которого нет больше ни у кого на свете.

Прежде всего скажу, что я во что бы то ни стало избавлюсь от этой особы, мы не можем оставаться вместе, слишком у нас несхожие характеры, чтобы мы долго могли выносить друг друга. Не хочу поднимать истории, подожду, пока мы найдем няню.

А теперь позвольте к этому присовокупить мои выписки вместе с их переводом, я сама его сделала, для того чтоб вы, если понадобится, могли бы познакомить с ними тех, кто недостаточно владеет французским; а может быть, вам и самой приятно будет иметь их на обоих языках: «*Le cours de la vie n'est qu'un passage triste et languissant si l'on n'y respire l'air doux de l'amour*» – «Течение жизни нашей есть только скучный и унылый переход, если не дышишь в нем сладким воздухом любви».

Разве это не бесспорная истина, мой ангел? Вы, быть может, скажете, что когда нет любви, ее можно восполнить дружбой? На это я отвечу вам: только в том случае, когда речь идет о дружбе, подобной нашей, – но ведь дружба наша та же любовь, я не то что люблю, я обожаю вас, и будь вы мужчиной, вы были бы моим избранником... но вы лучше меня, и я не смею продолжать сие сравнение. Вот что говорится в моем романе о чувствительности: «*O, quel charme nous trouvons dans la sensibilité; c'est la pierre d'aimant qui attire tout a elle. La vertu peut exiger de l'estime, l'esprit et les talents de l'admiration, la beauté peut exciter un désir passager; mais Il n'y a que la sensibilité qui puisse Inspirer l'amour*», – разумеется, автор хотел сказать: «*le véritable amour*», то есть *истинную любовь*, как определил ее в своем переводе ваш друг. «Какую неописанную прелесть мы находим в чувствительности. Это магнит, притягивающий к себе все. Добродетель вправе требовать уважения, разум и дарования – удивления; красота может возбудить желания, но одна только чувствительность может внушить истинную любовь».

Именно она связывает и нас с вами, и уж тут-то можно сказать: «*Il est bien triste que le bonheur ou le malheur de notre vie soient ordinairement décidés avant que nous puissions juger de l'un ou de l'autre (это относится только ко мне!). Retenus par la coutume ou par les préjuges bizarres et ridicules, nous nous laissons entrainer par l'exemple de la multitude; ce n'est que quand Il n'est plus temps que nous commençons a penser*». К этому я бы еще добавила, что мы не умели думать и, полагая в этом наше счастье, принимали решения, которые сделали нас на всю жизнь несчастными. «Как прискорбно, что счастье или несчастье целой жизни нашей бывает обыкновенно решено прежде, нежели мы в состоянии судить о том или другом. Удерживаемые обычаем, а иногда и предрассудками странными и смешными, мы бываем увлечены общим примером и тогда только, когда уже не время, начинаем размышлять».

Я нахожу, что все это верные мысли, некоторые из них я могла бы подтвердить собственным моим опытом, не так ли, мой ангел? И самый лучший из них, по-моему, тот отрывок, в котором любовь рассматривается в связи со священными узами брака, здесь его взгляд совершенно совпадает с моим; я уверена, что и вы с этим согласитесь: «On dit que les mariages qui ne se font purement que par amour sont malheureux... Oui, les mariages dont la seule passion a formé les nœuds sont toujours Infortunes; la passion se satisfait et la tendresse s'évanouit avec elle; mais l'amour (истинная) cet aimable enfant de la sympathie et de l'estime vous enchaîne dans les liens d'une félicité continuelle. C'est l'unique bonheur qu'on puisse souhaiter... C'est quelque chose de plus que l'amitié, animée par le goût le plus vif et par le plus ardent désir de plaire... Le temps au lieu de ternir cette affection délicieuse la rend de jour en jour plus vive et plus Intéressante». И напротив, вовсе неверно, будто любовь может возникнуть при равнодушии друг к другу; я думаю, что равнодушие порождает одно лишь равнодушие, если не отвращение, а у натур заурядных и грубых – привычку. Я подобные истины объявляю ложными! «Говорят, что супружества, заключенные по страсти, всегда несчастливы... Так, супружества, основанные на одной только страсти, не могут быть благополучны. Страсть удовлетворена, и нежность исчезает с нею. Но любовь, сие любезное дитя симпатии и уважения, связывает нас узами бесконечного блаженства; это единственное счастье, позволительное желать. Она есть искуснее, нежнее дружества, оживляемого самым живым вкусом и пылким желанием нравиться. Время, не истребляя этой нежной привязанности, делает ее день ото дня живее и приятнее».

Ежели бы теперь, в мои годы, мне нужно было решать свою судьбу – уж я бы сумела быть счастливой. Но не будем об этом говорить, надобно терпеть, а главное, не позволять себе роптать.

Прошу вас, милый друг, устройте так, чтобы не он переписывал «Трумфа». Во-первых, не хочу, чтобы муж что-нибудь заподозрил, вздумав сличать «Трумфа» с почерком, которым написаны стихи в моем альбоме. Во-вторых, это значило бы опозорить его руку, комедия эта недостойна того, чтобы он ее переписывал.

И еще прошу, ежели только вы этого не сделали, передайте ему «Мой друг-хранитель» и пообещайте, что если он его потеряет, ему это будет прощено. Уведомьте меня, если вы это уже сделали.

Посылаю вам лоскуток материи, из которой сшиты мои домашние платья, а по кисету, который я посылаю папеньке, вы увидите, какое платье я купила себе в Орше за 80 рублей, оно вроде того, что было на г-же Таубе, эта материя называется персидский шелк; такого же цвета и платье, которое мне привезли из Петербурга, – оно из той же материи, что и мое белое, муаровое, отделка у него прелестная, да только оно с короткими рукавами, и я не хочу надевать его, пока не сделаю к нему длинные рукава. Не хочу показывать свои красивые руки, как бы это не привело ко всяким приключениям, а с этим теперь покончено, и я буду обожать Шиповника до последнего своего вздоха, разумеется, однако, если он останется мне верен – свое сердце я отдаю в обмен на его. О, какая прекрасная, какая возвышенная у него душа!

Как вы думаете, ведь папеньке будет приятен этот кисет? Я бы ничего больше не успела сделать, но я сама его шью, вы мне напишите, понравится ли ему он? Скажу вам, что я еще никуда не выезжала. Но на той неделе поеду к губернаторше и тогда надену это синее платье; оно сшито под шею и с длинными рукавами по тому фасону, как у Мальвины, что у вас на картинке осталось. Я поеду тоже к нашей полковнице. Я рада, что мне это позволили. Она добрая женщина, и лучше, мое правило, жить в миру со всеми; терпеть не могу быть в ссоре! Насчет Кира Ивановича скажу вам, что он более не сердится и обещал мне писать к папеньке и маменьке; вы, наверно, думаете, что Ольга Андреевна причиною его неудовольствия. Он со мной был довольно откровенен – признался, что ему было приятно видеть, что маменька

так хорошо к нему расположена, но что папенька, приехавши из Петербурга, ни слова ему не сказал и при прощанье закричал, что все только на словах, а на деле ничего, что ему было больно. Я всячески старалась его извинить, и теперь он все забыл. Я думаю, что вы по этой же почте получите удостоверение.

№ 3

В 7 часов.

А я все продолжаю писать, не боясь наскучить вам своей болтовней. Завтра воскресенье, пойду к обеду, буду благодарить господина за сегодняшний день – когда бы один такой день выпадал мне на долю каждую неделю, как я была бы счастлива! Вы будете получать мои письма тоже раз в неделю, только придется вам тратить на них много времени – пожалуйста, хватит чтения до следующей почты. Посылаю вам, мой ангел, два платка, которыми муж позволил мне распорядиться по моему усмотрению. Я помню, вы однажды выразили желание иметь полосатый платок. Другой я хочу подарить Ольге Андреевне, она женщина бедная, ей это будет приятно, да и к свадьбе пригодится. Возьмите себе, мой ангел, тот, который больше вам понравится, и носите его из любви к вашей Анете, а для нее нет большего счастья, чем сделать вам что-то приятное. Другой же пошлите от меня Ольге Андреевне. Мне черный больше нравится, а впрочем, как вы хотите, моя бесценная. Я бы желала, чтобы и вам черный понравился. Пишите мне, мой ангел неоцененный, мое сокровище. Пишите во имя всего, что вам дорого. Употребите все старания, чтобы быть скоро здоровой, берегите себя для меня. Чтобы не подвергнуть себя вашему гневу, я не скажу вам, сколько драгоценно для меня ваше здоровье; оставляю перо, чтобы приняться за работу для папеньки. Обнимаю вас, мой ангел, и благословляю мысленно так же, как и Шиповника.

Воскресенье, в 10 часов утра.

«Для дружбы нужны самые солидные добродетели; она обыкновенно приобретает справедливостью, постоянством и твердой однообразностью характера. Любовь же, напротив, восхищается всегда сим неизъяснимым *je ne sais quoi*¹. Она сама и для себя только рождает идола, которому поклоняется, она находит прелести в пороках даже своего предмета». О, как это справедливо. Никогда не забуду, когда Шиповник рассердился.

¹ Нечто (фр.).

Анна Петровна Керн

(урожденная Полторацкая, по второму мужу Маркова-Виноградская; 1800–1879) – русская дворянка, в истории более всего известна по роли, которую она играла в жизни Пушкина.

Художник А. Арёфов-Багаев. 1840-е гг.

Но видите ли, только что проснулась – и за перо. Сейчас еду к обедне. У нас очень холодно. Я надеваю черный бархатный капот, и он имеет для меня сладкие воспоминания. Целую ваши ручки и посылаю вам доброго дня, благодаря бога за прекрасный сон. Целую Шиповника глазки, увы! мысленно.

Сейчас возвратилась от обедни, была в соборе, усердно молилась богу, вспомя Троицын день. Архиерей служил, и певчие очень хорошо пели. Я была одна, совершенно одна. Вообразите, каково мне было, вспомя Лубны, мою бесценную маменьку. Сердце сильно у

меня билось, когда я въезжала под большой каменный свод и подъезжала к воротам церкви; мне казалось, что я одна во всей природе, и когда вошла в церковь, насилу могла перевести дух; я пошла по левую сторону, где меньше было народу, и недалеко от левого крылоса заняла пустое место у стены, между двух очень бедных старушек. До половины обедни я спокойно молилась, но вдруг я заметила, что глаза всех мужчин устремлены на меня, чего никак нельзя было избежать, ибо они стояли на правой стороне, совершенно против меня; добрый мой телохранитель стоял недалеко позади меня. Еще более меня потревожило то, что двое мужчин неподалеку от меня стояли, и увидела пьяных или сумасшедших, разговаривающих между собой, мне казалось, про меня. Я вспомнила вас, мой ангел. Вот что значит слабость нервов. Мне так сделалось дурно, что я чуть не упала и решила позвать к себе Кира И. и после была спокойнее, спешила скорее из церкви, никого не видела. Голова и теперь кружится.

В 5 часов пополудни.

Только что у меня был весьма интересный разговор с мужем, сейчас вам его перескажу. Он говорит, что слышал, будто с генералом, который командует в нашем корпусе второй дивизией, случился апоплексический удар, он лежит в параличе, и поэтому есть слух, будто дивизию эту передадут мужу; если же нет, он тотчас же по возвращении императора хочет ехать в Петербург и там возложить устройство своей судьбы на меня. Он обещается, если мне это удастся, сделать для меня все, что я захочу, а самое главное мое желание – съездить в гости к вам. Вы рады? В благодарность за столь приятное обещание я дала слово, что сделаю все, что будет в моих силах, чтобы добиться у императора этого назначения.

Еще он сказал, что ежели получит эту дивизию тотчас же, то позволит мне поехать к вам осенью. Так что я теперь почти уверена, что так или иначе увижу вас еще до конца этого года. Разве это не восхитительно, мой ангел? Сообщите об этом Шиповнику и перескажите мне его ответ. Пока я еще не смею и верить, что такое счастье возможно. Вы скажете, быть может, что это будет стоить слишком много денег, а я вам скажу, что нет, потому что в Риге очень дорога жизнь, а мы именно там будем квартировать, ежели планы осуществятся: к тому же ведь я тогда буду богатой – и жалование большое, и аренда, что и делать с такими деньгами, как не доставлять себе удовольствия в жизни, а для меня единственное удовольствие – это Лубны. Все другие места на свете мне безразличны.

Скажу вам, что мы с минуты на минуту ожидаем Лаптева, а потом корпусного командира. Муж хотел было устроить в его честь обед, но сделать этого не может, потому что не в ладах с Лаптевым, а я этому только рада – на мой взгляд, все это такие ничтожные люди, у меня охоты нет видеть кого-либо из них, всякое новое лицо меня стесняет, не хочу никого видеть. Это очень верно, что «il est dangereux de trop se livrer aux charmes de l'amitié. Ils affaiblissent le gout qu'on a pour les sociétés ordinaires»².

Да, мой ангел, после тех приятных бесед, что мы с вами вели, я уже не нахожу никого, с кем могла бы разговаривать. На мою беду, у меня нет середины – все или ничего – мой нрав таков; я либо холодна, либо горяча, а равнодушной быть не умею. Поговорите-ка с Шиповником о моих планах, будет рад он, если я приеду в сентябре? Как, на ваш взгляд? О, если бы вы могли ответить на это! Если бы могли сейчас услышать меня!

Нынче у нас обедал один молодой человек, он адъютант Магденки, брат его дамы сердца, юноша весьма воспитанный и хорошего тона. Можете себе представить, я вышла только к обеду. Для меня просто мучение видеть кого-либо. Он сразу же затеял со мной любезный разговор – как видно, он был изумлен, увидев меня, только я ему, должно быть, показалась странной, чудной, или же глупой: я ведь не похожа на других! Признаюсь, иной

² Опасно слишком предаваться очарованиям дружбы, ибо она отбивает вкус к общению с другими людьми (*фр.*).

раз я немножко кокетничаю, но теперь, когда все мои мысли заняты одним, я уверена, нет женщины, которая так мало стремилась бы нравиться, как я, мне это даже досадно. Вот почему я была бы самой надежной, самой верной, самой некокетливой женой, если бы... Да, но «если бы»! Это «если бы» почему-то преграждает путь всем моим благим намерениям. Можете быть уверенной, что Шиповника я буду любить до последнего своего вздоха, так что не беспокойтесь, несчастных из-за меня будет не так уж много, вы же знаете, что иной раз это получается помимо моей воли. Так что просто из сострадания к мужскому полу я решила как можно реже показываться на людях, чтобы избавить его от страданий несчастной любви. Впрочем, довольно мне шутить, ангел мой. Это случается со мной только после добрых вестей. Этот дневник весь пропитан моей печалью.

№ 4

6 часов.

Сейчас перечла конец третьего номера и подивилась, какие глупости я там понаписала. Ну, да все равно – они вас рассмешат, но вы не станете слишком осуждать меня за них и не отвратите от меня своего сердца. Если я заставлю вас посмеяться несколько минут – я этому буду только рада. Только я вам советую не вдруг читать мой журнал, он может повредить вашему здоровью, и тогда я себе этого не прощу. Еще раз прошу вас, мой ангел, берегите свое здоровье, если хотите, чтобы я свое берегла, – нити наших жизней так тесно переплелись между собой, что ни одна из нас не может заболеть, не нанеся ущерба здоровью другой.

Я провела только что целый час в обществе нескольких офицеров нашей бригады и чуть не умерла со скуки. До чего же противные! Но когда ты спокоен, смотришь на них безо всякой досады, словно на китайские тени, – только и разницы, что эти говорят, – но наперед знаешь все их вопросы и ответы. Расстаешься с ними совершенно равнодушно.

Я оставила их заканчивать беседу с моим мужем; вы догадываетесь о предмете их разговоров – единственно доступном пониманию этих людей *без души*. Бедная я! Свою душу я стараюсь спрятать подальше, скрыть ее, насколько это мне удастся, и разговаривать с ними возможно более пошлым тоном.

А теперь, мой ангел, поздравляю вас с именинами дорогого папеньки. Хотя бы вы провели этот день веселее, чем проведет его ваша Анета! Уж верно, в этот день у вас будет и Шиповник. Это будет послезавтра. Я уже представляю себе, как вы, мой ангел, беседуете с милым моим Шиповником, стараясь успокоить прекрасную его душу, которая, я уверена, опечалена будет моим отсутствием. Поговорите с ним обо мне, скажите ему, что я хотела бы быть ему другом. На сей случай хочу привести слова героини моего романа: «*Le voir, l'écouter, être son amie, la confidente de ses projets... Etre sans cesse témoin des sentiments de cette âme généreuse et sublime... Je ne céderais pas ce plaisir pour l'Empire du monde*». «Его видеть, его слышать, быть его другом, поверенной всех его предприятий... Быть беспрестанно свидетельницей всех чувствований этой прекрасной и великой души. Я не уступила бы сего удовольствия за обладание царством вселенной».

Во имя самого неба, прочтите ему этот отрывок, напишите, что он сказал. А вот еще один: «*Les gens qui donnent tout au sens, et ceux qui n'ont que de l'indifférence, ne verront dans mon affection qu'un sentiment romanesque. Qu'il est peu de cœurs susceptibles d'aimer! Ils pensent sentir de la passion, de l'estime, Ils en peuvent sentir le mélange et c'est l'amour le mieux Imité. Mais connaissent – Ils le feu qui vivifie, cette tendresse animée qui nous jette dans l'oubli de nous – même et nous transporte, dans une autre sphère, lorsque le bien-être, l'honneur et la félicité de l'objet que nous aimons y est Intéressé?*» – «Люди, которые все относят к чувственности, или равнодушные почтут мою привязанность за романическое чувство. Сколь мало сердец, способных любить. Они могут иметь страсть, иметь почтение, они могут чувствовать и то и другое вместе: это только хорошее подражание любви, но знают ли они сей животворящий огонь, сию живую нежность, заставляющую вас забывать о себе, переноситься в другую сферу, когда касается до благополучия и чести обожаемого нами предмета?»

Не знаю, понравится ли вам этот перевод, в нем, конечно, есть ошибки, но у меня нет словаря. Дайте ему это прочесть, если возможно, мне бы так этого хотелось, не откажите мне, доставьте мне это удовольствие, вы сделаете меня счастливой. Если бы вы были не вы, разве стала бы я говорить вам все это? Но я надеюсь на вашу снисходительность. «*Les épanchements d'un cœur, tendre ne peuvent se verser que dans le sein d'une amie qui est affectée*

de la même sensibilité»³. Посылаю вам много писем, перешлите их по адресу, одно из них к Каролине; когда узнаете, где она, отправьте его ей. На сегодня прощаюсь с вами, ангел мой, обнимаю вас, желаю вам доброй ночи и приятных сновидений. Того же желаю и Шиповнику, да хранит его господь и вашу Анету вместе с ним. Прощайте, устала. До свидания, мой ангел.

Понедельник, 28 июня, в час.

Все письма готовы, милый друг. Посылаю их вам – одно из них к Каролине. Как грустно мне будет завтра: ведь это также день именин дорогого моего Поля. Поцелуйте его покрепче за меня, мой ангел. Я послала купить что-нибудь, чтобы передать ему. Буду в отчаянии, если ничего не найдут. Мне до того хотелось бы доставить ему удовольствие: я так его люблю. Прошу вас, посоветуйте Шиповнику прочитать один роман: «Леонтина», соч. Коцебу. Скажите ему, что вам хочется его прочесть, потому что я вам о нем говорила и нахожу в нем много схожего с историей моей жизни. И знаете что? Не будем больше называть его Шиповником, я нашла для него другое, более красивое имя – Иммортель⁴. Оно соответствует и его чувствам – помните, как однажды он все повторял слово «вечно», а в последнюю нашу встречу, когда я пожалела, что его шляпа забрызгана грязью и совсем испорчена, он сказал: «Ничто не вечно». Так вот, отныне называйте его Иммортелем.

Прощайте, мой ангел, пора кончать, хотя бы ради того, чтобы поберечь ваши глаза, они, должно быть, устали, если вы читаете все это подряд. Итак, вы получите кусочек от вседневного мундира моего, который не возбуждает *сладких воспоминаний*. Только это не цвет моей души, это просто случайность. Я бы предпочла черный цвет.

Три часа пополудни.

Уже три часа, и я спешу успеть к почте. Прошу вас, обожаемый друг мой, передайте ему от меня тысячу приветов, скажите, как я благодарна за то, что он сразу же выполнил мое поручение. Я ведь понимаю, как ему, верно, тяжело было прийти в наш дом после моего отъезда. Согласитесь, что это было большой жертвой с его стороны. Вероятно, он был очень взволнован.

Итак, прощайте, моя дорогая. Переимите мою методу писания, то есть пишите что-нибудь каждый день. Прощайте же, мой дорогой, мой нежный друг, поцелуйте за меня дорогого моего Поля, я ничего не посылаю ему, мне это очень грустно. Передайте ему это письмо, оно будет ему приятно. Бог да благословит вас всех, а в особенности вас и моего Иммортеля. Как только уйдет почта, я снова начну писать вам обо всем, что стану делать, – и так до следующего почтового дня. Мне трудно кончить это письмо – так я все же с вами, а когда его унесут, я останусь опять одна.

О мой ангел, как я люблю вас! Некоторые отрывки из этого дневника вы можете прочитать милой маменьке. Поцелуйте ей за меня ручки, ножку ее больную. Скажите ей, что люблю ее так, что и выразить не могу. Скажите, что я готова была бы отдать половину своей жизни за то, чтобы другую половину провести подле нее и подле вас, мой ангелочек и мой друг, мое утешение; мое сокровище. Итак, прощайте, кончаю. Дневник этот сохраните: кто знает, может быть, наступят для нас более счастливые времена, и тогда мы вместе перечитаем его.

И еще прошу, ради самого бога: берегите свое здоровье ради счастья вашей Анеты. Тысячу раз целую ваши руки, ваши глаза. Иммортелю передайте, что я *вечно* не забуду его одолжения и вечно буду ему благодарна. Христос с вами. Пишите, ради самого бога.

³ Излить чувствительное сердце можно лишь на груди подруги, той же чувствительностью охваченной (*фр.*).

⁴ Иммортель – бессмертник, растение с сухими лепестками.

1820. Псков

№ 5

29 июня, 1 час пополудни.

Какой грустный у меня сегодня день! А между тем погода прекрасная, ярко светит солнце, оно озаряет всю природу, оно согревает, живит все, что дышит; одну меня оно не может согреть. Я хотела бы, чтобы день этот был не так хорош: плохо, когда природа находится в противоречии с душой нашей. Верно говорится: *«Когда на сердце ненастно, так и в ведро дождь идет»*.

Я была в церкви, в *соборе*, там было людей очень мало, потому что весь beau monde⁵ был у праздника. Я, по обыкновению, очень прилежно богу молилась, вспоминая Иммортеля. Я воображаю, что у вас в Лубнах сегодня очень весело, но не для вас, мой ангел; я знаю, что вы думаете о вашей Анете и сожалеете, что ее с вами нет, а Анету между тем скупают мимоза, жасмин, ноготки и все страдания, что неизменно сопутствуют мимозе, и никто представить себе не может, каково ей. О, сегодняшний день принесет мне много бед.

6 часов.

Слава богу, день почти прошел. За обедом мой драгоценный супруг заставил меня пережить маленькую неприятность, и я, совсем позабыв ваш добрый совет не принимать подобные пустяки близко к сердцу, чуть от этого не заболела.

Вы знаете, что люди всегда склонны по себе судить о других, и вот из-за невинной шутки мой дорогой супруг рассердился – сперва на то, что повар не ему, а мне пришел сказать, что он нынче именинник, а когда я, желая его оправдать, во время обеда пошутила, что это по моему департаменту, муж вообразил, будто я этим хочу напомнить, что повар принадлежит мне. Я думаю, будь я даже на такое способна, ему не следовало говорить это перед прислугой и своим дураком адъютантом. Но как же можно меня, столь деликатную в таких вопросах, заподозрить в подобной низости и так компрометировать перед всеми этими невеждами! Вы же понимаете, мой ангел, что тут никакая философия, никакой стоицизм не помогают, и относиться к этому хладнокровно нельзя! Я, признаться, от этого прямо заболела и сказала ему причину, когда он меня спросил. Но разве ему что-нибудь втолкуешь?

Меня против моей воли заставили поехать на прогулку, а вернувшись, я нашла визитную карточку Лаптева, который нарочно выбрал это время, чтобы нанести нам визит. Говорят, он очень зол на моего дорогого супруга. Сейчас был у нас Кир И. и спешил скорей уйти, боится долго оставаться.

Я по-прежнему много читаю – что бы я без этого стала делать! Читаю романы, дабы рассеяться. Что бы ни говорили против такого рода чтения, я считаю, что ничто не может лучше успокоить мои страдания. Соболезнуя героине романа, ее любви, я занимаю свой ум и отвлекаю себя от мыслей, которые завладели мной целиком. Будь это серьезная книга, я бы в ней все равно ничего не поняла – даже если бы вздумала читать ее вслух, потому что ум мой, сердце, воображение неотступно заняты лишь одной и той же мыслью. По-прежнему делаю выписки из всего, что читаю, и по-прежнему буду посылать их вам, милый друг.

Июня 30-го в 7 часов вечера.

Сегодня мне не о чем писать вам, мой ангел; занятия мои все так же однообразны, ничто в них не меняется; встаю я очень поздно, потому что только тогда и счастлива, когда сплю.

⁵ Высший свет (фр.).

Хотела нынче ехать с визитами, но, на мое счастье, лошадь повредила ногу, и теперь все откладывается до завтра. Я бы рада была и вовсе от них избавиться, но это совершенно невозможно: вчера губернатор сам приезжал поздравить меня, а я в какой-то степени ему обязана, это у него я брала кибитку, без которой не могла бы приехать к вам. А он денег брать за это не хочет, ни за что не хочет.

«Неравный брак».
Художник В. Пукирев. 1862 г.

Забыла вам рассказать, за что мой муж сердит на Магденку: вы знаете, что мой муж всегда был неразборчив в выборе приятелей, чему доказательством Петр Мартынович. Помните то забавное письмо, которое я получила от некоего Андреева. Я слыхала от Магденки, что это самый настоящий сумасшедший, человек очень злой, да к тому же еще интриган, так вот, муж сказал, что кто-то ему доложил, будто Магденко хвастал тем, что очень мне помог с моей поездкой (в сущности, это чистая правда, но, я уверена, он слишком благороден, чтобы такое сказать). И я не сомневаюсь, что это Андреев наговорил на него мужу, чтобы их посорить. Я просто счастлива, что мне не пришлось видеть этого человека. Я теперь верю предчувствиям: помните ли, как я сердилась и была недовольна этим глупым письмом? Письмо моего мужа насчет Магденки огорчило меня не меньше. Нужно вовсе не иметь никакого характера, чтобы полагаться на свидетельство какого-то сумасшедшего против человека, которому он стольким обязан и который, мне кажется, достаточно доказал свою дружбу.

Но довольно об этом, мой ангел, теперь поговорим обо мне. Вспоминаете ли вы меня еще? Разумеется, вспоминаете – сужу по своему сердцу, а также по небольшому отрывку, который я только что перевела и, с вашего позволения, привожу здесь: *«Si l'on sent une cruelle peine en s'éloignant des lieux où réside un objet chéri, Il est plus douloureux encore de le voir disparaître de ceux où l'on reste après lui. Une seule personne aimée semble emporter avec elle tous les agréments du séjour qu'elle quitte; son Idée se retrace sans cesse, ranime le souvenir du plaisir que donnait sa présence; leur privation répand le dégoût à l'insipidité de tous les autres; chaque Instant est marqué par le regret d'un moment heureux; et pour une âme tendre tous les jours de l'absence sont des jours perdus»*.

Если это верно, если у него столь чувствительная душа, как мне показалось, он, должно быть, страдает, и даже больше, чем я. Но больше меня страдать невозможно! И хоть здешние места совсем не связаны с ним, память о нем столь глубоко врезалась в мою душу, что уже самый контраст между нынешними и минувшими днями рождает о нем воспоминания. Присовокуплю русский перевод:

«Горестно удаляться от мест, обитаемых любезным предметом; но еще стократ горестнее оставаться в тех местах, от коих она (он) удаляется. Одно любезное существо, кажется, уносит с собою все приятности сего места. Образ ее носится там беспрестанно и возбуждает воспоминания тех удовольствий, которые доставляло ее присутствие; лишение оных распространяет скуку и отвращение на все прочее; всякая минута знаменуется сожалением о счастливейшей, и для нежной души дни отсутствия есть потерянные дни в жизни».

Я рада, ежели он думает об этом так же, как я и как автор «Христины», откуда я это выписала. А вы меня не браните, мой ангел, уповаю на доброту и снисходительность ваши, мой дорогой друг. Близко ли вы, далеко ли – я всегда говорю с вами совершенно откровенно. На сегодня прощаюсь, мой ангел. Расстаюсь с вами, чтобы пойти распорядиться насчет ужина, муж сейчас вернулся с учений, он всегда бранит меня, что я все занимаюсь. Он привез мне вишен – это здесь первые; а вы их там кушаете? Как бы я рада была поделиться ими с вами – от этого они стали бы для меня во сто крат слаще!

Все фрукты напоминают мне о тех апельсинах, которые я давала Иммортелю; а те, что он подарил мне, я ела дорогой и бережно храню от них корки в старой бумажке, которая, по счастливой случайности, попала мне в руки и оказалась исписанной его почерком – приказ по дивизии.

Прощайте, мой ангел, желаю вам доброй ночи, а также моему любезному Иммортелю, да посетят приятные сновидения вас обоих, ведь вы да еще моя добрая маменька – самое дорогое, что есть у меня на свете.

№ 6

Июль, 1820, 1-е число.

Добрый день! Будьте здоровы, обожаемый друг мой, так здоровы, как я вам того желаю. Я нынче прямо в ужасе – у нас будут к обеду посторонние, *мужчины* – старый генерал, два наших полковника и подполковник; нашего олуха адъютанта я не считаю, он как бы свой. Я бы отдала все на свете, чтобы избавиться от необходимости видеть этих людей, но, чтобы доставить удовольствие мужу, придется их принять. Не подумайте только, что мое отвращение к ним объясняется их возрастом или же недостаточной их учтивостью – вовсе нет – будь они даже прекрасны, как Антиной, и любезны, как Фонтенель, все равно я чувствовала бы то же. Ничто так не тяготит меня, как необходимость казаться веселой, когда мне грустно. Вы ведь сами, милый друг, сотни раз бранили меня за то, что я не научилась притворяться, хоть это и необходимо в этом мире.

Только что муж подарил мне прелестное платье. Он получил его от некоей г-жи Бибиковой в благодарность за то, что выполнил ее поручение в Риге. Очень красивый узор, особенно просветы хороши. Спешу вам его переслать с покорнейшей просьбой – велите сделать вышивку на кушаке и лифе и сообщить цену. Я не хочу, мой ангел, чтобы вы так деликатничали со мной в этих делах. Деньги могут понадобиться вам на лекарства. Вы же знаете, как я была бы счастлива оказаться вам полезной; так что сделайте милость, не церемоньтесь со мной, мой добрый друг, не то я вынуждена буду действовать совсем иначе, когда придет надобность просить вас о чем-либо, и тогда, вы это понимаете, между нами не станет прежнего доверия, а уж от этого я бы пришла в полное отчаяние. Так что, помня ваши обещания, уповаю, что вы время от времени постараетесь доставлять мне случай быть вам полезной.

Мне сегодня предстоит сделать визиты губернаторше и полковнице, которая уже была у меня первая. А 6-го, кажется, мы устраиваем торжественный обед в честь корпусного командира, он будет дан от лица всей бригады у нас в доме, что позволит избежать неприятностей с приглашением Лаптева и даст ему возможность отказаться. Меня – на мое счастье – на обеде не будет по той причине, что там будут одни мужчины. Это не очень-то учтиво, но я от этого просто в восторге: оба полковника глупы до чрезвычайности и, на мой взгляд, предурно воспитаны. Им следовало бы дать бал, чтобы поддержать честь второй бригады; сегодня уже почти окончательно решили, что обед будет устроен в складчину и на нем будут только мужчины; еще дан будет бал, тоже в складчину и тоже в нашем доме. Будет фейерверк, а я и полковница будем принимать гостей. Увы!

6 часов.

Вернулась из гостей. Губернаторша и ее муж премилые люди, так же как и все, кого я там видела. Меня очень хорошо принимали, а от полковницы я узнала, что, судя по всему, наш бал состояться не может. Самое большее будет обед, да и то не наверное.

10 часов.

Желаю вам доброй ночи, милый мой друг. Забыла рассказать вам, что видела нынче этого ужасного Андреева. Вошел он, когда мы уже собирались вставать из-за стола. Трудно представить себе что-либо более безобразное – лицо отвратительное, просто отталкивающее. Добрейший Кир. И. сделал мне знак глазами, он еще раньше предупреждал меня, что это человек опасный, особенно для меня. Поэтому я старалась избежать разговора с ним; однако я заметила, что он не отрывает от меня глаз; немного поколебавшись, он подошел ко мне и спросил несколько странным тоном – долго ли я еще оставалась дома после возвращения отца, я отвечала ему очень сухо и коротко, что после его приезда оставалась еще две

недели, потом воцарилось молчание; я спросила, знаком ли он с моим отцом? Он ответил, что да, после чего, видя, что я не расположена продолжать разговор, спросил, сколько лет моей дочке, которая сидела подле меня. Я ответила, что ей два года, и отвернулась. Он и во второй раз пытался заговорить со мной, только я на его вопрос не ответила, и на этом дело кончилось. Я теперь совершенно убедилась – да и муж в том признался, – что это он сказал ту ложь насчет Магденки, я в этом была уверена. А теперь скажите, разве не права я была, когда рассердилась на то противное письмо и на письмо моего мужа, где он обвиняет Магденку? Чем больше я узнаю этого человека, тем более убеждаюсь, что он достоин моего уважения. На сегодня довольно. Доброй вам ночи, мой ангел. Желаю сладких сновидений Иммортелю.

2 июля.

Я очень плохо провела сегодня ночь, мой ангел. Вчера я долго не могла уснуть. Перед глазами моими все стояло последнее прощание. Признаюсь вам, что намеренно не прогоняла от себя эти опасные и сладостные мысли, чтобы видеть приятные сны, но нет, этой ночью небо отказало мне в таком утешении. Нынче я мужа еще не видела, хотя уже почти полдень, он ушел до того, как я проснулась. Я встала, прошла в свой кабинет и там пила чай, как всегда в полном одиночестве, потом взяла книгу и тут вдруг, к удивлению своему, услышала гром. В Лубнах он никогда не бывал для меня столь неожиданным, потому что там, вставши, всегда первым делом глядела на облака, чтобы знать, хорошая ли будет погода, и даже угадывала по их движению, хороший ли будет вечер, но теперь мне это безразлично, и я только для того и взглядываю на небо, чтобы увидеть, не в нашу ли сторону плывут тучи, и тогда я спокойна за дорогую мою маменьку; и я призываю бога-громовержца посылать грозы лучше сюда, а не тревожить мирный покой лубенских жителей. Пусть наслаждаются они всегда ясным небом, пусть будут довольны и счастливы и пусть не забывают, что есть на свете душа, которая только о том и мечтает, чтобы разделить с ними это счастье.

Мне сейчас пришла в голову забавная мысль, и хоть вы, может быть, скажете, что я слишком самонадеянна и что-нибудь еще, все равно я выскажу вам ее. Представьте, я сейчас мельком взглянула в зеркало, и мне показалось чем-то оскорбительным, что я ныне так красива, так хороша собой. Верьте или не верьте, как хотите, но это истинная правда. Мне хотелось бы быть красивой лишь тогда, когда... ну, да вы понимаете, а пока пусть бы моя красота отдыхала и появлялась бы в полном блеске, лишь когда я того хочу. Вот странная мысль, наверно, скажете вы?

Половина шестого.

Какая тоска! Это ужасно! Просто не знаю, куда деваться. Представьте себе мое положение – ни одной души, с кем я могла бы поговорить, от чтения уже голова кружится, кончу книгу – и опять одна на белом свете; муж либо спит, либо на учениях, либо курит. О боже, сжался надо мной!

Мне нужно вам признаться в большой слабости, но ведь я обещала ничего от вас не скрывать. Представьте себе, мой ангел, что я иной раз нахожу успокоение в мыслях о некоем счастье в будущем, надежды на которое вы часто мне внушали; это одни лишь мечты, одно воображение, не следовало бы и думать об этом, не правда ли? Но что вы хотите, не могу от этого удержаться. Кто не желает себе добра? И всякий раз, когда я думаю о том, что буду вознаграждена за свои страдания, мне вспоминаются наши разговоры с вами и те горячие пожелания счастья, которые вы мне высказывали. Неужели преступление желать себе счастья? Мысль эта ужасна. Ответьте мне, мой ангел, успокойте меня, ради самого неба. Бог мне свидетель, зла я никому не желаю, напротив, желаю ему всякого счастья, только чтобы я к этому не имела отношения. Как мне выдержать подобную жизнь? О дорогой мой друг, приободрите же меня своими письмами, своими советами, утешьте меня, мой ангел, напи-

шите мне о добродетелях Иммортеля. Я была бы в отчаянии, если бы он оказался недостойн моей любви, я бы себе этого не простила, это сделало бы меня навеки несчастной, ибо я люблю его так, что и выразить нельзя, люблю в нем решительно все; чем больше я думаю, тем яснее вижу, что это – настоящая любовь. Все то, что при моем характере в других меня отталкивает, в нем мне нравится, вот, например (не стану говорить о его притягательности, о его очаровании), я веселая, а он всегда серьезен, и что же, мне это в нем мило; я люблю танцевать, а он не танцует, и что же, я нахожу это очаровательным, мне даже кажется, что это ему идет. Впрочем, я танцевала с ним польский, до чего же я была тогда счастлива, да и он тоже – ни за какие царства не уступила бы я этого счастья – так радостно было держать его руку. При одном воспоминании у меня начинают литься слезы. До чего я слаба, боже мой! Простите меня, мой ангел! Для этого вам понадобится вся ваша снисходительность. Но не отказывайте мне в том, что может послужить мне утешением. Пишите мне об Иммортеле, ведь правда, есть какая-то мелодия даже в самом его взгляде, – воспользуюсь премиальным выражением, которое я только что прочла. Другого такого взгляда нет в целом мире. Я сейчас нашла в конфетах красивый билетец, только я переделала его по-своему, вот он:

Je partage ses gouts, toute ma jouissance
Serait dans son aimable entretien.
O, quand Il danse, j'aimerais la danse,
Après l'avoir quitte je n'ai du gout pour rien⁶.

Покидаю вас, иду на прогулку с Катенькой. Она торопит меня, до свидания, мой ангел, страстно прижимаю вас к сердцу.

⁶ У меня с ним одни вкусы. Все мое счастье в любезном разговоре с ним. Когда он танцует – и я бы танцевала, в разлуке с ним мне ничто не мило (фр.).

№ 7

В 7 часов.

Вернулась с прогулки, но моцион не пошел мне на пользу – у меня закружилась голова, так что, придя домой, я вынуждена была лечь, чтобы восстановить силы. У меня побаливает грудь, и я чувствую какую-то слабость. Но не беспокойтесь, мой ангел, постараюсь сохранить свое здоровье, чтобы любить вас.

Нынче вечером, в 8 часов, приезжал ко мне с визитом господин Бибиков с дочерью, г-жой Фигнер, молодой вдовой, очень любезной особой; она выказала весьма большое ко мне расположение и обещала приехать еще завтра поутру, прежде чем возвращаться к себе в деревню – это за 10 верст отсюда, она нарочно приехала в город, чтобы посетить меня. В воскресенье, то есть послезавтра, предполагаю поехать туда на целый день. Хочешь не хочешь, а надобно понемногу выезжать и встречаться с людьми, чтобы не быть совсем затворницей, а то ведь я покидаю свою комнату только на время прогулок, да и это время провожу в закрытой карете.

Полночь.

Только что прибыл П. Керн, он крайне со мною мил, говорит всякие любезности, то и дело целует ручки, поэтому волей-неволей и я с ним довольно приветлива, вы ведь знаете, какое у меня доброе и чувствительное сердце – тотчас же отзовется на всякое изъявление дружбы. А вот поучать себя я, разумеется, ему не позволю. Я думаю, что мне не дадут больше уделять столько времени моему писанию. Вот даже сейчас муж выговаривал мне за это, так что приходится отложить перо. Доброй вам ночи, мой ангел-хранитель, господь да благословит вас и его также.

3 июля в 10 часов.

Только я проснулась, мой ангел, как принесли ваше прелестное письмо, за которое бесконечно вас благодарю. Но признаться ли? Я не вполне им довольна, оно так коротко и вызывает у меня опасение – не больны ли вы? Да хранит вас от этого бог, милый мой друг, пишите мне так, как я вас о том просила – каждый день понемножку, а если вам не разобрать будет моего маранья – попросите у [неразб.] увеличительное стекло.

Вчера после ужина у меня не было времени, чтобы написать вам о разговоре, который был у нас за столом, а между тем он достаточно интересен, чтобы вы о нем узнали. Речь шла о графине Беннигсен, у которой, как утверждает мадемуазель, она служила. Муж стал уверять, что хорошо ее знает, и сказал, что это женщина вполне достойная, которая всегда умела превосходно держать себя, что у нее было много походов, но это простительно, потому что она очень молода, а муж очень стар, но на людях она с ним ласкова, и никто не заподозрит, что она его не любит. Вот прелестный способ вести себя. А как вам нравятся принципы моего драгоценного супруга?

Полдень.

Только что уехала г-жа Фигнер, и теперь я тверже, чем когда-либо, решила никого больше у себя не принимать и ни к кому не ездить. Терпеть подобные неприятности в присутствии посторонних – это уж слишком. Я больше не могу. Нужно вам сказать, что мой дорогой супруг их не жалуется, а причина в том, что там часто бывает молодежь из нашей бригады, и он не хочет, чтобы я там с ними встречалась. Она просила меня снова увидеться нынче поутру, как только встану с постели, и принять ее в моем кабинете, чтобы не стеснять мужа. Так он сговорился со своим дорогим племянником, вошел ко мне с любезнейшей

физиономией и всякими своими обиняками начал, ни с того ни с сего, что он-де «человек не светский», а простой солдат, и, уж по правде говоря, вполне доказал, что он *простой*, потом привел своего племянника и начал его укорять, что вот, дескать, его я видеть не пожелала, и все это с хитрой усмешкой, которая всегда у него бывает, когда он собирается сказать что-нибудь двусмысленное. Они со своим любезным племянником все время о чем-то шепчутся, не знаю, что у них там за секреты и о чем они говорят... а я так несчастна! Господин Керн вбил себе в голову, что должен всюду сопровождать меня в отсутствие своего дядюшки, и, мне кажется, собирается отправиться завтра к Бибиковым. Я не знаю, как отделаться, а и там не будут ему рады, он держится так важно, бог весть отчего.

Ермолай Федорович Керн (1765–1841) – русский генерал, участник войн против Наполеона, первый муж Анны Керн.

Художник Д. Доу. 1830-е гг.

«Его невозможно любить – мне даже не дано утешения уважать его; скажу прямо – я почти ненавижу его».

(Из дневника А. Керн)

Вы и теперь будете говорить, что счастье мое зависит от меня? Конечно, нет. Для этого вы слишком разумны. Итак, он считает, что любовников иметь непростительно, только когда муж в добром здравии. Какой низменный взгляд! Каковы принципы! У извозчика и то мысли более возвышенные; повторяю опять, я несчастна – несчастна оттого, что способна все это понимать. Пожалейте вашу Анету, еще немного – и она потеряет терпение. Вот какой этот *почтенный*, этот *деликатный*, этот *добрый* человек, этот человек *редких правил*. Пусть поймут, как велика та жертва, на которую меня обрекли. Содрогнутся! О, как жаль мне несчастного моего отца, если он любит меня и если есть у него глаза. Только ежели он станет говорить с вами об этом, скажите ему, что страдаю я не из-за одной ревности.

Половина четвертого.

Признаться, меня немного мучила совесть – следует ли мне огорчать вас, поверяя вам все свои горести, но я полагаю, что неполная откровенность была бы еще хуже. *C'est aux jours de l'affliction que l'âme va reposer et s'épancher dans celle d'un ami avec cette confiante exactitude, qui n'appartient qu'à elle. Ceux qui prétendent que par délicatesse ont droit de cacher ses chagrins à ceux qu'on aime, Injurient l'amitié car son plus charmant caractère est de s'emparer des peines et de partager les plaisirs. On aime peu son ami ou on le mal estimé quand on lui ravit le droit de sentir tout ce qu'on éprouve*⁷.

Я нахожу, что это очень верная мысль, думаю, вы будете того же мнения.

Половина одиннадцатого.

Сегодня, как обычно, была на прогулке. Г-н Керн сопровождал нас верхом, мы видели, как проехал Лаптев. Мне стало известно, что Магденко старался примирить с ним мужа – это сообщалось в письме [неразб.] к Киру И., еще он ему написал, будто Лаптев согласен на это примирение из-за меня, потому что он меня любит и уважает. Все-таки мне это приятно. Завтра буду у обедни и увижу Лаптева. Меня занимает, как произойдет эта встреча. Еще одна новость. Император проедет через Порхов 9-го числа, муж собирается поехать встречать его. Бог знает, что выйдет из этого. В газетах пишут, будто в Париже собралось 20 тысяч человек и все кричали: «Да здравствует Наполеон!» – и хотели прогнать короля. Говорят, будто от этого может случиться война. Как бы хорошо! Говорят, охотно веришь тому, чего желаешь. Вот и я готова этому поверить. Еще говорил сегодня один наш знакомый генерал, что он видел какой-то огненный столб – что значит война. Прощайте, драгоценный мой друг, отдыхайте хорошенько, молитесь за вашу Анету. Забыла написать, что завтра я вместе с Катенькой еду в гости за 10 верст отсюда, так что у меня до самого вечера не будет больше времени беседовать с вами, может быть, целый день будет пропущен.

Еще должна вам сообщить, что П. Керн собирается остаться у нас довольно надолго, со мною он более ласков, чем следовало бы, и гораздо более, чем мне бы того хотелось. Он все целует мне ручки, бросает на меня нежные взгляды, сравнивает то с солнцем, то с мадонной и говорит множество всяких глупостей, которых я не выношу. Все неискреннее мне противно, а он не может быть искренним, потому что я его не люблю. Сколько бы он ни притворялся, не может и не должен он меня любить, слишком он обожает своего дядюшку, а

⁷ Именно в дни скорби ищет душа успокоения, изливаясь душе друга с той доверчивой откровенностью, которая присуща дружбе. Те, кто полагает, будто дозволено из деликатности таить свои горести от тех, кого любишь, оскорбляют дружбу, ибо самое пленительное ее свойство – брать на себя горести друга и разделять его радости. Не любит или не уважает своего друга тот, кто отнимает у него право чувствовать все то, что испытывает он (*фр.*).

тот совсем меня к нему не ревнует, несмотря на все его нежности, что меня до чрезвычайности удивляет, — я готова думать, что они между собой сговорились, ведь вы же знаете, какой мой муж подозрительный. Не всякий отец так нежен с сыном, как он с племянником. Ах, когда бы была жива та женщина, как было бы хорошо, я тогда не знала бы Керна, жила бы себе подле вас, счастливая, спокойная, и дневник этот не был бы столь печален. Прощайте, мой ангел.

№ 8

11 часов, 4-го числа.

Вернулась от обедни, где горько плакала, моля бога, чтобы он ниспослал мне терпения, ибо мне оно нужно более, чем когда-либо. Молитесь за бедную Анету, невинную жертву судьбы; ничего больше написать не могу. В церкви было много народу, но меня никто не видел и Лаптев ко мне не подходил.

9 часов.

Вернулась из гостей. Меня очень хорошо принимали, была только их семья, которая состоит из отца, матери и четырех дочерей, одна из них вдова. Они премилые люди. Были там еще двое молодых военных, один нашего полку, другой плац-адъютант, очень любезный и хорошо воспитанный молодой человек. Он целый день все возился с Катенькой, и, нужно сознаться, она нынче держалась прелесть как мило, а я, как могла, старалась тоже держаться полюбезнее, потому что с самого начала не могла заставить себя быть веселой. Мы гуляли, потом несколько раз прошились в вальсе, а в половине седьмого я уехала, к великому сожалению всего этого милого семейства. Вот я уже и дома, мой ангел. П. Керн выехал верхом нам навстречу, я предложила ему сесть в карету; он как будто бы очень меня любит и становится со мною все более и более предупредительным. Он словно мне сочувствует и очень удивляется поведению своего дядюшки, говорит, что тот стал неузнаваем.

Понедельник, 5-го числа, в 10 часов.

Здравствуйте, очаровательный мой друг. Вчера, слава богу, мне было чуточку повеселее. П. Керну удалось рассмешить меня своими шуточками, и мы целый вечер с ним смеялись. Муж отправился спать раньше нас. Как непринужденно и свободно чувствуешь себя с тем, к кому не испытываешь *никаких чувств*. Он очень красивый мальчик, со мной очень любезен и более нежен, чем, быть может, хотел бы показать, и, однако, я совсем к нему равнодушна; верите мне теперь, что я люблю Иммортеля? Слушая безвкусные комплименты Керна, я все вспоминаю милое и такое красноречивое молчание моего Иммортеля. Я решилась не посылать вам остаток от лифа, а просить вас вышить талию, это будет слишком долго дожидаться. Вчера я узнала от Кира И., что Лаптев желал бы помириться, он думает, что я на него сердита и для того так стояла в церкви, чтобы меня не видали; он очень хорошо про меня говорит и сказал, что истинно для меня только хочет с ним помириться. Я не знаю, как это кончится, знаю только, что я права со всех сторон и преспокойно буду сидеть в своем кабинете и рассуждать о суе мирской. Меня сегодня хотели лишить последнего утешения и за расчетом посылать только раз в месяц мой журнал, но я буду платить за него, если нужно, трудами собственных рук моих, но не лишу добровольно себя этого утешения. Итак, посылаю вам только узор, который очень хорош. Если вы будете себе шить платье, то пусть будет такое, а больше никому не давайте. Прощайте, мой ангел. Христос с вами. Сейчас уйдет почта, мой ангел, пусть, дорогой мой друг, получите вы это письмо в таком добром здравии, какого я вам только желаю. Нынче видела его во сне и так была этим счастлива! Во имя неба, мой ангел, никому не рассказывайте об истории с Лаптевым. На днях придет Магденко, и я очень рада буду его видеть. О, право же, он достойный человек. Итак, прощайте. Когда он придет, я, может быть, смогу написать вам что-нибудь более приятное. Прощайте, мой ангел, пусть небо благословит вас и его тоже. Тысячи раз целую моего нежного, дивного друга и прошу его помнить о своей Анете.

№ 9

1820, 6 июля.

Только что видела доброго, милого, уважаемого г-на Магденко, он нынче только приехал. Я была вне себя от радости, увидев его. Тому, кто печален, несчастлив и одинок, как я, так радостно видеть истинного друга, принимающего в нем участие и сочувствующего его страданиям. Представьте себе, мой ангел, что я чуть было не бросила писать свой дневник. Моя неосторожность едва не стала роковой для нашей переписки.

3 часа.

Теперь все это позади, и я вновь вам пишу, дабы по-прежнему верить вам свои поступки и мысли. Его низость до того дошла, что в мое отсутствие он прочитал мой дневник, после чего устроил мне величайший скандал, и кончилось это тем, что я заболела. Сегодня мне уже лучше, и все превосходно уладилось – об одном только жалею – что не осталась у вас подольше, – зачем не продлила я своего счастья? Но вы этого требовали. Представьте, он вчера мне заявил, что ежели я чувствую себя такой несчастной, нечего мне было и возвращаться, раз уж он меня отпустил, а он, разумеется, оставил бы меня в покое и не стал бы ни приезжать за мной, ни принуждать меня жить с ним, раз я все время колеблюсь. Вот вам его принципы, его образ мыслей. Чем больше я его узнаю, тем яснее вижу, что любит он во мне только женщину, все остальное ему совершенно безразлично. Магденко отправился обедать к Лаптеву, уходя, он просил позволения у меня и мужа на то, чтобы попытаться их примирить. Когда он вернется, сообщу вам, что из этого вышло.

7-е.

Все кончено. Только что ушел от меня Магденко. Все его усилия помирить мужа с Лаптевым ни к чему не привели; он заявил, что считает его смертельным врагом. Он сказал Магденке, что ничто никогда не поколеблет его уважения ко мне, что он навсегда сохранит ко мне величайшее почтение, но мужа будет ненавидеть до последнего своего вздоха. Нужно вам сказать, что племянник держится престранно – то он до невозможности нежен, а то словно бы осуждает мое поведение. Я буду просто в восторге, когда меня избавят от него.

Полночь.

Только что провела несколько прелестных часов в обществе достойнейшего Магденки. Лишь теперь я по-настоящему узнаю его, и чем больше вижу, тем больше люблю. Вы представить себе не можете, как он выигрывает при более близком знакомстве, ум его основательнее и тоньше, чем это кажется вначале. Все сомнения мои рассеялись, мы поговорили с ним вполне откровенно, он мне сказал, что с первой же минуты знакомства меня понял. Он признался, что характер мужа весьма затрудняет дружбу с ним, что у них уже было немало размолвок, но что он усвоил себе особую манеру обращения с ним и готов вынести от него что угодно, чтобы только не потерять моего расположения. Он до такой степени сумел изучить все оттенки моего характера, что понимает меня без слов. Я с увлечением говорила ему о вас, он знает вас и любит. Даже во время моего отсутствия он сумел оказать мне услугу, отговорив мужа от намерения написать неприятное письмо моей милой маменьке в ответ на полученное от нее, словом, настоящий меценат, поистине бесценный человек. Кончаю, как и начала – похвалой ему. Прощайте, мой ангел. Доброй вам ночи, милый друг, и Иммортелю тоже.

8-е, 6 часов.

Сегодня у нас был торжественный обед. Лаптев не приехал, хотя обед был дан от лица бригады. Обед был великолепный, лучшие фрукты и лучшие вина. Я, как вы знаете, на нем не присутствовала, но корпусной командир г-н Гильфрейхт, который вообще женщин не любит, а меня видел только раз, спросил у мужа обо мне и завтра снова будет у нас к обеду, нарочно, чтобы иметь случай меня видеть. Это желание разделяет с ним и его адъютант. Возможно даже, что еще нынче вечером я буду иметь честь поить их чаем, если только они не слишком поздно вернутся с маневров. Так что, волей-неволей, мне придется показываться. Дорогой племянничек мне все больше и больше не нравится, особенно когда он берется давать советы. Эта их дурацкая самоуверенность выводит меня из себя. Что досадно, что не знают, где ее употребить.

Скажу вам еще, мой ангел, что поскольку Лаптев так открыто выражает свою враждебность, Магденко советует перейти в другую дивизию. Вы, может быть, подумаете, зная мою привязанность к вам и к моим дорогим родителям, что я стану просить мужа перевестись в 15-ю дивизию. Ни в коем случае. Напротив, поскольку он насчет этого подумывает, я постараюсь, как могу, его от этой мысли отговорить. Магденко обещал меня поддержать, а то ведь при его характере он не уживется с Роттом и двух дней, а уж если вдобавок будет еще ревность, вряд ли это кончится так мирно, вспомните, каков он был с Сакеном и даже с младшими офицерами. Теперь то же самое с Лаптевым, но у этого-то хоть дурной характер, а Сакен – само спокойствие, и будь на его месте Ротт, ссора эта имела бы совсем другие последствия.

Итак, не предполагайте меня видеть в Лубнах в 15-й дивизии – и вот мои доводы: 1) я не хочу, чтобы мои родители каждую минуту видели, до какой степени я несчастная; 2) чтобы избежать необходимости каждую минуту краснеть от стыда, что, как вы понимаете, весьма тягостно; 3) мне невыносимо будет жить в такой близости от Иммортеля; 4) не хочу вас всех стеснять и своим присутствием делать вас окончательно несчастной. Заранее уверена, что вы согласитесь со всеми этими доводами. Можете даже изложить их моему отцу, ежели он настолько слеп, что думает, будто мы когда-нибудь сможем жить все вместе.

Я только что ела чудесные вишни. Представьте себе, четыре вишенки на одной тонкой веточке, одна над другой. Я в первый раз видела такое маленькое чудо и прежде всего подумала о вас, милый друг мой. Как я счастлива была бы разделить их с вами.

9-го в 10 часов вечера.

Весь нынешний день я так была занята, что только сейчас нашла свободную минуту. У меня обедал корпусной командир, губернатор и еще несколько человек. Они уехали сразу после обеда, а я такую чувствовала слабость, что по сию пору пролежала в постели. Сейчас только встала, но собираюсь снова лечь. Муж ужинает, а я пишу. Я себя очень дурно чувствовала сегодня, должно быть, из-за всех этих тревожений, они расстроили мне нервы. Прощайте, бесценный друг мой, благослови вас бог, будьте здоровы. Хоть бы ваше письмо, которого я жду с превеликим нетерпением, принесло мне весть о том, что здоровье ваше поправляется. Поверьте, только это способно заставить меня переносить мою жизнь вдали от вас и всех тех, кто мне дорог. Доброй ночи, милый мой друг, я очень устала, совсем ослабела, бог с вами, моя родная. Подтвердите Иммортелю, хотя бы намеком, как близко к сердцу я принимаю его судьбу. Еще раз прощайте, не могу больше.

Ваша Анета вечно.

№ 10

1820, 10 июля.

Я вне себя от волнения: узнала новость, от которой сама не своя. Говорят, Кир И. получил какое-то известие. Я уверена, что оно касается Иммортеля. Он присылал сказать, что придет показать мне письмо от своей жены. Я все потом перескажу вам, мой ангел, там, конечно, должно быть что-то для меня. Видели бы вы, в каком я состоянии! Я так волнуюсь! Хоть бы он поскорее приходил. У меня есть тимьян, я мечтала лишь иметь резеду, с моей мимозой нужно много желтой настурции, чтобы скрыть ноготки и шиповник, которые мучают меня. Благодаря утрате резеды оринель взял такую силу, что вокруг уже нет ничего, кроме ноготков, тростника и букса. Нет в моем цветнике [неразб.]. Вот каково состояние моего сада. Покидаю вас, нужно одеваться. До свидания, после все узнаете.

10 часов вечера.

Его я не видела, а следовательно, ничего нового не узнала. Ноготок меня не оставляет, есть у меня большой лютик, дабы что-нибудь узнать, и нет желтых кувшинок, пока я немного не успокоюсь. Прощайте, мой ангел, доброй вам ночи, спите спокойно. Завтра воскресенье, пойду к обедне. Да будут услышаны горячие мои молитвы о вашем выздоровлении.

11-е, 9 часов утра.

Никаких известий. У меня нет больше терпения. Остается только слабая надежда на сегодняшнюю почту. Не браните меня, мой ангел, а пожалейте. Прощайте, иду в церковь.

11 часов вечера.

Только я вернулась из церкви, как меня стали уговаривать ехать к одной даме в деревню, на обед. Мне совсем этого не хотелось, но чтобы доставить удовольствие драгоценному супругу и дорогому племяннику, пришлось согласиться. Так как платье было не в порядке, бедную А. А. стали бранить самым свинским образом, она не в силах была это стерпеть, и вот с завтрашнего дня она рассчитана. Разве не права я была, что ничего ей не сказала по этому поводу, ведь я хорошо знаю ее характер, но, на мое несчастье, человек сколько-нибудь стоящий не сможет у меня жить. Завтра я ее отпускаю, заплачу ей за покрывало и пояски, которые вы просили вышить. Надо сознаться, работа очень тонкая. Прощайте, мой ангел, будьте здоровы, и да хранит нас господь во святой троице.

12-е, 9 часов утра.

Я только что встала, и мне тут же было объявлено, что ее больше ни одной минуты не желают терпеть в доме. Будь это из-за ее поведения, я бы ему простила, но нет, это чистый каприз, глупое самолюбие, которое задето тем, что она отказалась остаться, когда он просил ее об этом, после того как ее так обидел. Какая жизнь ждет всякого, кому придется служить у меня!

«Швея».

Художник М. Клодт. 1875 г

Ничего более приятного я сообщить вам не могу, разве только то, что в лагере будет бал у двух наших полковников. Я была бы счастлива, если бы могла на нем не быть, но думаю, что это будет невозможно. Прощайте, добрый мой ангел, единственное мое утешение, единственный друг мой. Я часто размышляю о дружбе, что связывает нас, и каждый раз прихожу к заключению, что дружба – та же любовь, ибо чаще всего мы любим характеры,

противоположные нашим. Очень верно сказано: «Quand les âmes s'entendent, les esprits n'ont pas besoin de se ressembler. Nous aimons peut-être d'avantage celui qui diffère de nous par les manières. Il n'est pas nécessaire que les caractères soient absolument semblables si la base des sentiments est la même»⁸.

Наша дружба тому доказательство, милый мой друг, а в отношении любви вы можете найти тому подтверждение опять же на моем примере. Мы совсем разных свойств, но души наши и правила одинаковые, и вот почему существует между нами симпатия. «Amour, tu blesses avec promptitude, tu guéris lentement quand c'est l'âme que tu a atteinte!»⁹

Пришел дорогой племянничек и стал меня утешать на свой лад – говорит, что не из чего мне огорчаться, раз мой муж и ребенок в добром здравии. Мне немало труда стоило объяснить ему, что сострадать чувствительному сердцу может лишь тот, кто сам способен чувствовать! Я присутствовала при выдворении мадемуазель и теперь совершенно разбита, чувствую себя очень скверно, бог знает чем все это кончится. Но прошу вас, мой ангел, не тревожьтесь. Не пугайтесь, даже если я захвораю: тот, кто желает себе смерти, не умирает, – я буду жить долго, чтобы любить вас и страдать, так уж мне на роду написано, и я безропотно подчиняюсь своей судьбе. Еще раз не пугайтесь, ежели я немного заболела; для меня это будет только счастьем; это избавит меня, по крайней мере, от необходимости выходить из комнаты и показывать свое людям несчастное лицо.

Как грустно течет для меня время. У Вольтера есть такой стих:

Ciel, que le temps est un bien précieux,
Tout se consume et l'amour seul l'emploie¹⁰.

А я так скажу, что над временем властвуют и любовь и дружба. «Amitié, que tu as de charmes! Heureux qui t'inspire, encore plus heureux qui l'éprouve»¹¹, – говорит г-жа де Пьенн. Раз уж я все вам про себя рассказываю, расскажу, что только что прочитала прекрасный роман «Два друга» г-жи де Пьенн, где очень хорошо и подробно даны портреты этих двух друзей. Не стану говорить, который из двух больше мне по душе, пока не узнаю вашего мнения; вы, конечно, догадываетесь, что это тот, у которого больше сходства с Иммортелем. Присоединяю на отдельном листочке небольшой отрывок оттуда.

Я так и знала, что он напишет маменьке, будто выгнал мадемуазель единственно ради ее удовольствия. О, какая это неправда! Разуверьте маменьку, пожалуйста, потому что прежде он и не думал поспешить сделать ей это удовольствие, а вдруг взбесился, наговорил грубостей, после того как сам же просил ее остаться, но когда она отказалась, он из самолюбия или уязвленной гордости не позволил ей провести в доме даже одну лишнюю ночь. Прощайте, мой бесценный ангел. Христос с вами и со мною также. Прощайте еще раз. Вот уже почта пришла, и нет писем. Бога ради, пишите хоть каждую неделю. Обнимаю вас тысячу раз. Я завидую иногда иным людям и очень часто говорю вслед за г-жой Пьенн: «Qu'ils sont heureux ceux dont les sentiments sont d'accord avec la vertu et que les remords ne ternissent pas»¹².

Прощайте же, милый мой ангел, ради бога будьте здоровы. Приласкайте за меня маменьку мою родную, скажите ей, что я ее без души люблю, обожаю. Попросите ее, чтобы она чаще ко мне писала. Христос с вами. Грустно, очень грустно, да нечего делать. Скажите

⁸ Когда души понимают друг друга, умы могут быть и не схожи; мы, быть может, более любим того, кто отличается от нас. Нет необходимости в полном подобии характеров, если основа чувств одна и та же (фр.).

⁹ Амур, ты ранишь в одно мгновение, ты медленно исцеляешь душу, которой коснулся! (фр.)

¹⁰ О небо, какое драгоценное благо – время. Оно истребляет все, и одна только любовь властна над ним (фр.).

¹¹ Дружба, сколько в тебе очарования! Блажен, кто внушает это чувство, еще блаженнее тот, кто его испытывает (фр.).

¹² Как счастливы те, чьи чувства согласны с добродетелью и кого не омрачают угрызения совести (фр.).

Иммортелю все, что вы сочтете возможным, я никогда не забуду его, это немыслимо. Прощай все, что только есть у меня дорогого на свете. Катенька вам шлет поклон, она прелестна, так еще ребячлива, я очень люблю ее, она единственное мое утешение. Прощайте, мой ангел. Не хочется расстаться, покуда еще можно что-нибудь сказать, а все – старое, или что вы давно, давно уже знаете. Я с нетерпением считаю числа теперь в ожидании ваших писем и приезда милого Магденки. Прощайте еще раз. Ежели приехал Коссаревский, заставьте его доделать картинку, как я вам писала. Скажите Иммортелю, что *вечно* я не забуду.

Ваша Анета.

№ 11

1820, июля 14-го, в 11 часов вечера.

Мне так грустно сегодня! Никаких известий от вас, вы забыли обо мне. Все меня покидают! Я очень несчастна! Вот уже две почты прошли, а от вас ни единой строчки. Я нынче целый день плачу. Боже мой! А вдруг вы заболели? Эта ужасная мысль непереносима. Как ни мучительно мне было бы ваше небрежение, я бы предпочла, чтобы именно оно явилось причиной отсутствия писем от вас. Я растеряла свои мысли, свои способности, ничего не думаю, ничего не чувствую, ничего не делаю. Была минута, когда я испугалась, уж не схожу ли я с ума, представьте, вдруг как-то, помимо собственной воли, я стала повторять каждую минуту: писем нет, – и от этих слов горькие слезы текли из глаз моих. Мне нет надобности говорить вам, что все окружающее меня здесь не способствует тому, чтобы я чувствовала себя счастливой. Мне уж лучше быть одной, нежели выслушивать плоские шуточки, которые отпускает драгоценный племянничек. Как противно видеть молодого человека столь распущенного – никакой деликатности, и мысли у него самые грязные. Вот что меня здесь окружает. Уже два дня, как она уехала, никто не приходит, так что когда нет у меня охоты наслаждаться этой приятной беседой, я совершенно одна. Как грустно мне читать восхитительную книгу г-жи Сталь и не иметь подле себя никого, с кем я могла бы поделиться прекрасными местами, кои там встречаются.

Всю переписку с другими я забросила, берусь за перо, только чтобы писать к вам, и точно могу сказать: беру перо. Им начертать могу лишь имя несравненно. Спокойной ночи, мой ангел.

15-го, в 4 часа пополудни.

Ничего нового не могу сообщить вам сегодня, милый друг мой. Я не могу сказать: «*Les journées se suivent mais ne se ressemblent pas*»¹³. К несчастью, мои дни ужас до чего однообразны. Мой драгоценный супруг только и делает, что с утра до вечера лежит и курит. Мне, по крайней мере, от этого спокойнее, если только от меня не начинают требовать, чтобы и я проводила время таким образом. Ах, боже мой, нет у меня больше терпенья, уверяю вас. Не знаю, что со мной будет. Бедная я! Пожалейте меня, ради самого бога, молитесь за меня, а главное, утешайте меня своими письмами. Я с таким нетерпением жду следующей почты! Перо падает из моих рук.

10 часов вечера.

Никакой перемены. Все та же однообразность, все та же печаль. Навестил меня Кир И., говорит, что Лаптев справлялся у него насчет моего здоровья, а как услышал, что тот меня не видел, тут же велел ему пойти ко мне во второй раз и продолжать бывать в нашем доме, чтобы никто не подумал, будто это он ему запрещает. Мы пробыли вместе всего несколько минут, поговорили о вас, о Лубнах, и это было для меня словно несколько капель живительного эликсира, от которого ко мне возвратились силы. Не браните меня, но ежели мне теперь представится случай соединиться с вами, я не стану упускать его. Особенно если племянник вздумает поселиться рядом с нами. Нет, право, я не вынесу подобной жизни. Сегодня он стал говорить, что хочет ехать через всю Россию повидаться с нашей – то есть своей – родней, а закончится это путешествие Лубнами, и уж там мы и останемся. Спросил, буду ли я этому рада. Я, признаться, ответила ему совершенно искренне, что в его обществе мне решительно все равно, где жить, а племянник добавил: то есть в любом месте невесело. Вы понимаете,

¹³ Дни следуют друг за другом, но не схожи между собой (фр.).

что я на это промолчала, а муж тогда говорит: коли так, отправитесь на Украину к своим родным, а я поеду к своим, и племянник сказал, что он-де возьмет Катеньку с собой, – на что я сухо ответила, что на это у него нет права, и вышла. Нет, честное слово, и с одним-то Керном трудно жить, а уж когда их двое – это просто непереносимо. Нет у меня больше сил.

Прощайте, мой ангел, ласковый, нежный друг мой. Будьте здоровы, богом прошу вас, на коленях умоляю, поберегите для меня драгоценное свое здоровье. Что со мной будет, если вы расхвораетесь! Храни вас господь. Доброй вам ночи, сейчас буду молиться за вас и за... Прощайте, да пребудет с вами ангел-хранитель, и да ниспошлет он вам сладкие сны.

16-го, в 11 часов утра.

Здравствуйте, нежный друг мой! У меня ничего нового. Я по-прежнему читаю «Германию» г-жи Сталь, вы представить себе не можете, как это прекрасно. Буду делать оттуда выписки и в точности перепишу их для вас. Как хорошо поняла она сердце человеческое. Как, должно быть, она чувствительна и добродетельна.

В 10 часов вечера.

Вернулась из деревни, куда ездила с визитом, это в четырех верстах отсюда. Муж пожелал, чтобы племянник поехал вместе со мной, а тот не стал отказываться – я уже писала, что он на свой лад очень нежен со мной, когда мы остаемся одни, все сетует, что я-де его не люблю. Мы провели там два часа. Это весьма приятные люди, которые очень меня любят. Возвратись домой, мы застали у нас некоего г-на Пальчикова, премилого господина. Он обещал одолжить мне книг и фортепиано, за что я ему весьма благодарна, это развлечет меня, а то я и вправду стала совершенной мизантропкой.

Особенно делается мне грустно в вечерние сумерки; мною тогда до такой степени овладевает меланхолия, что я никого не желаю видеть, и если в такие минуты слышу звук какого-нибудь инструмента, слезы так и льются потоками из моих глаз. Единственное утешение – это моя дочка, она удивительно как привязана ко мне и очень ласковая.

№ 12

Представьте, она сразу же замечает, когда я чем-либо огорчена, ласкается ко мне и спрашивает: «Кто вас обидел?». С каждым днем она становится все милее, для своего возраста она даже весьма разумна, и мне нравится, что у нее есть деликатность. Вообразите себе, видит она однажды, что муж сидит на ее месте. Она подходит к нему, смотрит на него, затем оглядывается вокруг, словно ищет места, и говорит ему: «Где бы вам сесть?». Не правда ли, это очень учтиво и тонко для ребенка ее лет? Вы, быть может, скажете мне: вот вам и утешение, дорогая Анета, вот вам средство от всех ваших горестей. Нет, мой добрый ангел, ничто не может рассеять моей печали. Да, разумеется, иной раз дитя мое приносит мне минуты утешения, но ко всему этому всегда примешивается печаль.

Никакая философия на свете не может заставить меня забыть, что судьба моя связана с человеком, любить которого я не в силах и которого я не могу позволить себе хотя бы уважать. Словом, скажу прямо – я почти его ненавижу. Каюсь, это великий грех, но кабы мне не нужно было касаться до него так близко, тогда другое дело, я бы даже любила его, потому что душа моя не способна к ненависти; может быть, если бы он не требовал от меня любви, я бы любила его так, как любят отца или дядюшку, конечно, не более того.

Прощайте, мой ангел, доброй вам ночи, я не заметила, как летит время, когда я с вами, я забываюсь. Эта фраза напомнила мне... но нет, прочь воспоминания, пусть не смущают они мой сон. Нужно сказать вам, что мне нынче снилось, будто сюда приехала мой ангел – маменька. Какой сладостный то был сон и как я была счастлива! Ну, спокойной ночи, а то я никогда не кончу. Спите спокойно, а главное, пусть я вам приснюсь – вам и Иммортелю.

17-е, 10 часов вечера.

Мне нечего написать вам о сегодняшнем дне, чувствую себя совсем больной – у меня жар и ломота во всех членах. Иду спать. Спокойной ночи, мой ангел. Думайте о вашей Анете.

18-е, воскресенье, 2 часа дня.

Нынче я в церкви не была, потому что дурно себя чувствовала, и на улице дождь. Утром были у нас с визитом два адъютанта Лаптева, после их ухода я снова взялась за свою книгу, свое утешение, за г-жу Сталь. Только что прочла замечательный отрывок, он очень близок мне по мыслям, и, хоть и очень длинен, я не могу лишиться вас удовольствия и переписываю его здесь: «L'âme est un foyer qui rayonne dans tous les sens. C'est dans ce foyer que consiste l'existence. Toutes les observations et toutes les philosophies doivent se tourner vers ce „moi“, centre et modèle de nos sentiments et de nos Idées. Sans doute l'incomplet langage nous oblige a nous servir d'expressions erronées, Il faut répéter suivant l'usage: tel Individu a de la raison ou de l'imagination ou de la sensibilité etc.; mais si l'on voulait s'entendre pas un mot, on devrait dire seulement: Il a de l'âme, Il a beaucoup d'âme. C'est ce souffle divin qui fait tout l'homme»¹⁴ (разве не прекрасно это сказано, мой ангел, и разве это не верно?). «Aimer on apprend plus sur ce qui tient aux mystères de l'âme que la métaphasique la plus subtile (это неоспоримо). On ne s'attache jamais a telle ou telle qualité de la personne qu'on préfère et tous les madrigaux disent un grand mot philosophique en répétant que c'est pour un „je ne sais quoi“ qu'on aime, car ce „je

¹⁴ Душа есть некий фокус, от которого во все стороны расходятся лучи света. В этом фокусе и сосредоточено бытие человека. Все наблюдения и все философии должны обращаться к этому «я», вместилищу и образу наших чувствований и наших идей. Разумеется, бедность нашего языка вынуждает нас пользоваться неверными выражениями и повторять вслед за другими: такой-то умен, или чувствителен, или обладает воображением и т. д. Но если бы люди захотели понимать друг друга с первого слова, достаточно было бы сказать: в нем есть душа, у него много души. Вот это-то дуновение и выражает собой всего человека (*фр.*).

ne sais quoi“ c’est l’ensemble et l’harmonie que nous reconnaissons par l’amour, par l’admiration, par tous les sentiments qui nous révèlent ce qu’il y a de plus profond et de plus Intime dans le cœur d’un autre»¹⁵.

Какая она прелесть, г-жа Сталь, я преклоняюсь перед ней, и, однако, мне кажется, что не всякому дано уметь любить это «нечто неизъяснимое» и понимать чувства того, «в ком есть душа, много души». Если увидите г-на Ротта, дайте ему прочитать этот отрывок, я уверена, что он ему понравится.

7 часов вечера.

Совершили небольшую прогулку до лагеря. Муж остался там на музыке, а мне не захотелось – слишком много там народа, а это так мучительно чувствовать себя совсем одной среди множества людей. Весь город туда ездит, целая толпа. Вчера ездила туда полковница в сопровождении многих других дам, думаю, она и сегодня там. Муж даже настаивал, чтобы я поехала, но я отказалась и решила, что поеду, только если уж невозможно будет отказаться. Никто про меня не скажет, что я люблю развлечения.

Только что пришел П. Керн, зовет меня с ним прогуляться пешком. Пойду, а то я все сижу, мне это будет полезно. До свидания.

Понедельник в 11 утра.

Вчера мы пошли гулять и незаметно дошли до самого лагеря. Мы были от него уж совсем близко, как вдруг повстречали Лаптева верхом; он учтиво мне поклонился и сказал: «Я имел честь быть у вас с моим почтением, но меня не пустили», а я ответила, что очень сожалею, что он не застал меня дома. Потом он говорит: «Я всегда привык вас почитать». Я поклонилась и пошла дальше. Пришедши в лагерь, мы сели в карету и слушали зорю. Потом ко мне подошло несколько офицеров. Пришел муж, сел к нам в карету, и мы поехали. Дорогой вышел горячий спор насчет Лаптева. Мне было заявлено, что я как женщина должна была его хорошенько отбрить. Но я думаю, что в самых больших ссорах учтивость не неуместна.

¹⁵ То, что происходит в тайниках души, более научает нас любить, нежели самая искусная метафизика... Предпочитая кого-либо всем другим, мы исходим отнюдь не из того или иного его достоинства, и все любовные вирши выражают великую философскую истину, всячески повторяя, что любят за «нечто неизъяснимое». Это «нечто» – та целостность, та гармония, которая предстает нам через любовь, через восхищение, через все те чувства, кои открывают нам в сердце другого самую глубину его, внутреннюю его сущность (*фр.*).

Портрет любимой писательницы Анны Керн Анны Луизы Жермены де Сталь.
Художник Ф. Жерар. 1810 г.

«Человек, посвятивший себя погоне за полным счастьем, будет несчастнейшим из людей».

(Жермена де Сталь)

Прощайте, добрый мой ангел. Почта отправляется нынче, а я от вас ничего еще не получила. Поверьте, не знаю, куда деваться от тоски, видно, я рождена для печали, она со мною неразлучна. Еще раз прощайте. Передайте от меня поклон Иммортелю. Передайте еще г-ну Ротту, что Кайсаров на него сердит за то, что он ему не пишет.

Прощайте еще раз, ради бога будьте здоровы, и ежели мои глупости слишком вас расстраивают, я ради вашего здоровья найду в себе силы отказаться от радости писать вам. Тысячу раз целую ваши прекрасные глаза, хоть бы вы не разлюбили меня, а уж я-то вас люблю. Забыла вам сказать, что Анна А. поехала в Одессу и, верно, будет у вас, проезжая через Лубны. Прощайте еще раз, моя бесценная. Христос с вами. Я обнимаю вас очень крепко. Прощайте и молитесь за вашу Анету. Пишите, ради бога.

№ 13

Псков, 1820, 19 июля, 8 часов вечера.

Отправила сегодняшнюю почту, вас она все-таки порадует, а вот вы меня забыли, от вас ничего нет. Сейчас привезли мне фортепиано, но очень расстроено, никакое воображение не сможет доставить *сладкого воспоминания*. Сейчас, я слышу, в лагере бьют зорю – у вас в это время, может быть, также бьют зорю? Но какая разница! Вспоминаете ли вы меня иногда? Как грустно вечно *питаться мечтой, воображением!* А это только моя пища. Это меня заставило вспомнить очень справедливые стихи французские, которые были написаны на стене в станции:

Dieu fit la douce Illusion
Pour les heureux fous du bel âge,
Pour les vieux fous – l'ambition,
Et l'étude pour le sage¹⁶.

Они довольно справедливы, но не всегда можно питаться этой сладкой мечтой, часто вздыхаешь о сущности.

Полночь.

Спокойной ночи, милый друг. Я сейчас имела большой спор с мужем. Представьте себе, он рассказывает, будто Каролина к нему была равнодушна и будто взглянуть на него не могла без того, чтобы не покраснеть от радости. Какое преувеличенное мнение о самом себе и какого дурного мнения он о женщинах! А я так полагаю, ежели бы все холостяки на него были похожи, замужним женщинам ничего не стоило бы сохранять свою добродетель. Это наименее опасный мужчина из всех, кого я знаю, а ведь он-то воображает, будто никто не может перед ним устоять. Даже сомнений у него на этот счет нет, его самонадеянность придает ему уверенности. Но довольно об этом предмете. Доброй ночи, мой ангел, спите спокойным сном, и пусть приснюсь я вам – и Иммортелю.

20-го, в 6 вечера.

Была сегодня у обедни вместе с П. Керном. Вообще последние дни мне ничего не хочется, я злая, сама себе противна, я больна, то есть нехорошо себя чувствую, только вы не пугайтесь, это не опасный недуг, и тут-то мне нет удачи – а я словно окаменела – хожу, разговариваю, иной раз даже смеюсь – и при этом не испытываю никаких чувств. Все делаю, как автомат, только тоску свою чувствую, а когда по утрам и вечерам молюсь богу, все чувства мои оживают, и я горько плачу.

8 часов.

Только что вернулась с прогулки – мы с П. Керном совершили прелестную поездку в карете до дома архиерея. Дом этот расположен в трех верстах отсюда, на высокой горе, у подножья которой течет красивая река Великая. Мы вышли из кареты, отыскиали едва заметную узкую тропинку, спустились по ней к реке и там гуляли по большим камням, любясь прекрасными видами, расстилавшимися перед нами со всех сторон. Я удивляюсь, что мы никого не встретили на таком приятном месте, что означает дурной вкус жителей, которые

¹⁶ Бог создал сладостную мечту
Для счастливых безумцев юных лет,
Для старых безумцев – честолюбие
И науку – для мудрецов (фр.).

имеют такие грубые чувства, что не сумеют восхищаться величественной красотой природы. Однако же мы нашли одного уединенного человека, сидящего между двух больших камней на самом берегу реки; удочка его лежала без действия; и он сидел задумавшись; я долго на него смотрела, хотела спросить, кто он такой, но боялась быть нескромною и подумала – может быть, он влюблен, а свой своему поневоле друг.

*Я не думаю, чтобы Анна Петровна все это думала, гуляя со мной, потому чистосердечно признаюсь, я ей не давал покою ни одной минуты*¹⁷.

Вообразите, какой повеса – выхватил перо и написал.

*Пролежало на столе без всякого действия*¹⁸.

Экой шалун! Но вы этому посмеетесь, моя бесценная, и я очень рада, если наши глупости вам принесут хотя немного удовольствия. Он очень милый мальчик, и я замечаю, что он очень ко мне расположен, и я думаю, на этот раз не ошибаюсь.

11 часов.

Был у меня только что небольшой разговор с П. Керном. Он признался мне, что мать его была замужем, но тайно, а такой тайный брак законной силы не имеет. Вот от этого она и умерла. Как мне жаль бедную женщину, хотя она уже теперь не страдает! Значит, не для меня одной существование этого человека оказалось гибельным. И подобному существу я была принесена в жертву! Какие усилия приходится мне делать над собой, чтобы не роптать на судьбу. Доброй вам ночи, мой ангел, я замечаю, что невольно все возвращаюсь к одному и тому же предмету. Спите спокойно, спокойнее, чем бедная ваша Анета.

22-го, 6 часов.

Вы удивитесь, мой ангел, что я пропустила целый день, не писавши вам, я вчера была в отчаянном положении, самому неприятелю моему не желаю половину того чувствовать, что я чувствовала. Обманутая надежда в получении писем ужасно терзала мою душу, целый день я почти была в беспамятстве, сильная истерика к вечеру привела меня в совершенное расслабление, чтобы испытать хоть ночью покой, я стала сама купать Катеньку, и это утомление доставило мне несколько минут беспокойного сна. Я и теперь не могу придумать, что значит ваше молчание. Ужели хотите вы сделать мою жизнь еще более горькой? Ради самого неба, успокойте меня. Я не стала бы жаловаться, если бы мои страдания могли бы привести меня к смерти, но они только изнуряют меня, делают мне жизнь ненавистной, не приводя ее к концу. Вчера пришел Кир И., я была еще в постели, и племянник предложил провести его прямо ко мне. Видимо, он был взволнован, увидев меня в этом состоянии. Я спросила, нет ли писем, он ответил, что есть одно, полученное 14 мая, я настоятельно просила дать мне его прочесть, и он дал. Что за слог, какая восхитительная манера выражаться! Я переписала для себя. Он пишет, что ему кажется, будто папеньке известно, что он нас сопровождал. Не из-за этого ли вы все стали так несправедливы ко мне? Ведь папенька ни разу не написал мне с тех пор, как возвратился из Нежина. Во имя всего, что вам дорого, успокойте меня. Еще Иммортель пишет про то, какая тоска царила у нас в доме, когда он пришел туда в первый раз. Он с восторгом говорит о вас, о маменьке, о том, что в ту минуту ему показалось, будто он член нашей семьи, но тут же добавляет: восхитительная, обманчивая мечта! И я подумала, что в глубине наших сердец мы чувствуем: он в самом деле к ней причастен. Какой могла бы я быть счастливой, если бы... Прощайте, мой ангел, молитесь за меня. Еще немного – и я сойду с ума. О боже, сжался надо мной! Обнимаю вас.

¹⁷ Написано П. Керном. (Примеч. А. П. Керн.)

¹⁸ Тоже. (Примеч. А. П. Керн.)

№ 14

1820-го, 22-е, 11 часов веч.

Я не знаю почему, но я стала гораздо покойнее по окончании 13-го номера моего журнала, я думаю, что это потому, что я вверила вам, мой ангел, все тяготившее мою душу. Я стала после этого разумнее и более терпеливо дожидаясь следующей среды. Разговор с добрейшим Киром И. успокоил меня. Мы с ним говорили о вас, об Иммортеле, о милой маменьке, и это был бальзам, смягчивший мои страдания.

Доброй ночи, мой ангел, ради бога, будьте спокойны, я тоже почти что успокоилась. Не знаю, как могла я даже на одну минуту подумать, что должна чего-либо опасаться, когда у меня там вы – меценат мой бесценный, я ничего не должна бояться, имея такого друга и защитника, утешителя и покровителя, всё вместе, словом, ангела-хранителя. Отдыхайте хорошенько, а я отдыхаю с думой о вас, своем счастье и спокойствии.

24-го утром.

Бог услышал хоть одну мою молитву, и сегодня поутру я получила милые ваши строки. Прежде всего обняла очень крепко милого и доброго П., что он поспешил меня сам обрадовать. Потом разорвала печать, по обыкновению со слезами. Я не могу равнодушно видеть одного начертания руки вашей, точно так как... Судите, как я вас обожаю. Маменькина рука производит во мне некое нежное чувство, но ваша и папенькина производит почти одинаково восхитительное, приятное, тяжелое, мучительное, усладительное чувство. Заснувши вчера со слезами, я вас видела во сне, очень неприятным образом: мне казалось, что я лежала вместе с вами в угловой на постели (обманчивая мечта!). Но вот что странно: я не чувствовала того сладкого удовольствия, которое я всегда ощущала, быв с вами вместе; что-то тяготило грудь мою; вы жаловались, что вы всегда одни, что вы нездоровы; вдруг мы услышали ужасный крик, и нам сказали, что маменьке сделалось дурно. Это потрясение меня разбудило, а несколько минут спустя я получила неоцененное письмо ваше. Ради самого бога, продолжайте утешать меня, мой бесценный ангел. Я все думаю, я близка к отчаянию. Вообразите, что нет не только дня, но ни минуты, когда бы я была спокойна. Теперь ужасная будущность терзает мою душу. Богу угодно посылать ко мне всякого рода испытания. Ежели любя наказует, то он меня очень любит. Простите, я почти ропщу. Вы одни, я уверена, примете участие в моем горестном положении. Вы одни поймете, услышите, почувствуете мою душу. Вы одни знаете, мой ангел, что отнюдь не из легкомыслия я не хотела, чтобы у нас были дети. Что может быть ужаснее, чем страдать ради человека тебе ненавистного? Это жестокая правда, но я с вами откровенна. Нет тех мук, которые я с радостью не перенесла бы ради того, кого люблю, нет ничего сладостнее, чем страдать из-за человека, коего обожаешь. Вы ведь помните, как я ждала первого ребенка, а чего только не пришлось выстрадать бедному моему сердцу от грубого обращения, и когда я была беременной, и во время родов, и потом, вместо благодарности за перенесенные страдания. Нет, невозможно описать, в каком я отчаянии, мой ангел. Будь вы здоровы, я, кажется, стала бы умолять вас приехать и спасти меня, но это ведь невозможно, да я и не хочу отнимать вас у тех, для кого вы служите утешением и кто мне дороже самой себя, то есть дорогих моих *родителей*, дорогого *Поля*. С великим нетерпением жду следующей почты; хоть бы она принесла мне какое-то утешение; впрочем, я могу ждать его только от неба. Однако есть нечто, что могло бы сделать мою жизнь менее невыносимой; это уверенность, что я не утратила любви своих друзей и родителей; когда бы я знала, что они сохраняют ее навеки, мне, быть может, достало бы мужества и далее нести эту тяжкую ношу жизни. Но кто меня в этом уверит? Вы мне пишете о папеньке, а не пишете его слова, что он говорит, он ведь так красиво говорит, знаете, кабы вы пересказали мне его

собственные слова, вы очень бы тем меня порадовали, и каждое его слово, каждый слог я бы запечатлела в самой глубине моего сердца. Так вот, умоляю вас, мой нежный друг, как станете пересказывать мне ваш с ним разговор, перескажите также и то, что *вы сами* говорили.

Вы, однако, ничего не пишете о моем здоровье. Как я рассеянна – видите ли, хотела сказать: о вашем, но это все равно. Итак, вы ничего не говорите *о моем* здоровье, продолжают ли ваши спазмы. Я думаю, и из письма вашего видно, что они вас не так часто посещают. Дай бог, чтобы это была правда, единственное мое утешение. Я всякий день воссылаю теплые молитвы ко всевышнему о сем. Пусть некоторые холодные люди удивляются моей нежной, может быть, беспримерной привязанности. Я им скажу: «хотя любить – тужить, но не любить – не жить». Итак, я хочу терзаться, тужить и жить, покуда богу будет угодно переселить меня в вечность. Прощайте, моя бесценная, утешительного ничего не имею вам сказать, пора бросить перо.

2 часа пополудни.

Сейчас ездил немножко прокатиться в надежде, что это рассеет мои мысли, но тщетная надежда. Как грустно, когда приходится сказать себе: мне не на что больше надеяться. Зачем вы прогнали меня от себя? Зачем переполнили чашу моих страданий? Можно ведь было не разлучаться, а найти какой-нибудь предлог, чтобы прожить у вас еще хотя бы несколько месяцев. Он ведь сам сказал, что лучше было мне остаться, чем, возвратись, чувствовать себя такой несчастной. Мне большого труда стоит не роптать на своего отца, и я часто (невольно!) спрашиваю себя: зачем не захотел он узнать мою душу, такую любящую? Зачем обрек ее на то, чтобы она никогда не знала любви без угрызений совести?

№ 15

Боже, прости мне сей невольный ропот, ты, видящий все тайники души моей, прости мне еще раз за всякую мысль, всякое слово, вырвавшееся у меня от непереносимой муки...

10 часов вечера.

Что за счастливый день. Я ездила в баню; приезжаю, до смерти спешила домой, и нахожу посылку. Чуть-чуть не бросилась на шею адъютанту нашему, так в эту минуту мне он угодил, но опомнилась, и никогда не была еще к нему так ласкова, благодарила его с жаром. О, как я сегодня счастлива, мой ангел, благодарю вас тысячу раз за все присланное. За вуаль я давно уже заплатила и еще дала 9 рублей за пояски. Теперь благодарю вас за прекрасную закладочку и поясочек. Прошу вас, мой ангел, прислать мне шитья. Я буду продавать и надеюсь скоро же иметь случай достать дешевых и хороших чулок из Митавы. Спасибо вам за резеду, я положила ее у своего сердца и никогда с ней не расстанусь.

*Сделайте милость, посылайте к нам почаще такие праздники. Вы не поверите, как скоро от вас получают письма, то здесь пляшут и скачут, а без этого мы должны все плакать*¹⁹.

Не могла отказать ему перо. Он непременно хотел приписать. Не думайте, однако, что он что-нибудь знает. Адъютант распечатал пакет, он передал его мне самой, и я дала ему прочесть только то, что можно. За свои письма не беспокойтесь, мой ангел, мне всегда передают их в собственные руки, и за свои я тоже спокойна. Я совершенно уверена, что никакого риска здесь нет. Я той же почтой всегда пишу и маменьке, так что все пока благополучно.

Спасибо вам также за стихи, они прелестны; и вправду, нет ничего драгоценнее дружбы. Насчет Трумера ничего вам не скажу, мне досадно, что вышло такое огорчение. Письмо ваше прелестно, только одно меня в нем огорчило – как могли вы подумать, что я люблю вас меньше, чем вы меня. Выбросьте эту мысль из головы, ангел мой, милый друг мой, клянусь спасением своей души, что нет на всем божьем свете никого, кто способен был бы любить вас нежнее, чем ваша дочь, та, что всегда с вами откровенна и не боится обнаружить перед вами даже свои недостатки, рискуя потерять вашу дружбу и ваше уважение, ибо знает всю вашу снисходительность.

Завтра воскресенье, пойду в церковь, дабы возблагодарить создателя за дарованный мне счастливый день, это правда, что по вере вашей будет вам и то также, что за богом молитва не пропадет. Прощайте, мой бесценный ангел, завтра уже буду знать, получено ли письмо, и тогда в точности отчитаюсь перед вами.

25-го, в 5 часов вечера.

Нынче утром я была у обедни, видела в церкви Кира И., он сказал, что пришло письмо, только он его еще не получил; жду его с минуты на минуту, чтобы узнать, что за письмо. Вы и вообразить себе не можете мое нетерпение, только л-б-вь моя может с ним сравниться. Не осмеливаюсь написать сие слово полностью. Я спряталась в дальнем углу, но он меня все же заметил и поклонился.

Только что пришли сказать, что ко мне приехали гости.

Сейчас гости уехали, пили у меня чай. А Кир И. все не идет, не знаю, что бы это значило. А между тем мне не хотелось бы отсылать этот дневник, ничего не сказав по поводу книги. Скажите, мой ангел, показывали ли вам мою записку и что о ней думают?

¹⁹ Написано Е. Ф. Керном. (Примеч. А. П. Керн.)

Муж сейчас в лагере, там, кажется, небольшое празднество для мужчин. Нынешней ночью, а может быть, и завтра, мы ждем генерала Кайсарова, о котором, кажется, я вам говорила, что он необычайно со мной любезен. Когда он уедет, я вам напишу; к тому же после него я ожидаю визита Магденки, так что следующей почтой смогу сообщить вам что-нибудь более интересное. Сейчас я ужасно беспокоюсь, от нетерпения сама не своя.

Как я благодарна вам, дорогой друг, за все, что вы для меня делаете, какой Поль милый, что он благодарит вас и просит побережь ваше здоровье, я просто в восторге, что он выучил: «Je t'aime tant», и ни капли не удивляюсь, что он говорит его так выразительно, ведь он и обычные слова произносит выразительно.

Хоть вы мне этого не говорите, но я вижу, что вы одобряете мой вкус, как с нравственной стороны, так и в отношении внешности.

«На террасе».

Художник Б. Кустодиев. 1906 г.

Поговорим о другом. Вы, мой ангел, словно выговариваете мне за А. А. А я вам на это скажу, что как приехала, так сразу сказала мужу, что надобно найти няню, а ее рассчитать, потому что мне ее обхождение не нравится. Так ему угодно было тянуть время, он этим не занялся, а потом вдруг, ни с того ни с сего, вспылил из-за какого-то платья и наговорил ей всяких грубостей. Потом сам же до того дошел, что просил ее остаться, а когда она не захотела (чему я очень была рада), тогда он ни минуты лишней не позволил ей оставаться в доме. А теперь, чтобы перед вами выглядеть правым, он пишет маменьке, что-де сделал это, чтобы ей угодить. Прошу вас, мой ангел, оправдайте меня перед папенькой, а то, я вижу, он гневается на меня, если судить по эпитету к имени Анны А. в его последнем письме; никогда он так мне не писал; сделайте милость, скажите ему, что я слишком была бы несчастна, если бы заслужила его недовольство, а ведь у меня не осталось никакого другого утешения, кроме любви моих родителей. Слишком жестоко было бы отнять ее у меня.

Я думаю, вы не можете жаловаться на мою лень, мой бесценный ангел, но я вас прошу (хоть эта просьба и дорого мне стоит), ежели вам тяжело много писать, то не пишите так много, только непременно раз в неделю и так, как я вам сказала.

Он приходил, только еще не получил, обещал завтра прислать.

Не бойтесь ничего, мой ангел, и не беспокойтесь, я буду осторожна, насколько это возможно. Будьте здоровы, ради меня, а главное, верьте в нашу дружбу, которую ничто не может омрачить. Напишите мне, пожалуйста, сколько Полю исполнилось лет, спросите его, как поживает его семья, мне хотелось бы знать имя его матери, и если есть у него сестры, в каких краях они живут и как их звать. Надеюсь, вы все это мне сообщите, а ежели станете читать ему из моих писем, перескажите мне потом, что он говорил, только перескажите собственные его слова.

№ 16

Муж вернулся из лагеря, где были танцы, да еще и сейчас танцуют. Было много приглашенных дам. Этот праздник устраивал один молодой капитан из нашего полка, но меня не приглашали, потому что я не бываю в доме его матери, муж не хочет, а причина та, что у нее двое молодых сыновей.

Понедельник, 26-го, 10 часов утра.

Сегодня у нас обедает Кайсаров, после свидания с ним буду все вам описывать. Я просто в упоении. Порадуйтесь и вы моему счастью. Я получила несколько слов, меня благодарят и просят принять Йорика. Я зашила записку в кусочек материи и теперь ношу его на своем крестике у сердца. Что за человек! Какая душа, какое сердце! Как он заслуживает счастья!

Прощайте, мой ангел, нынче я счастлива. Будьте здоровы, любите меня по-прежнему. Кайсаров только что ушел от нас. Он держится очень учтиво и очень зол на Ротта за то, что тот ему не пишет. Передайте ему это, пожалуйста.

Еще раз прощайте, молитесь за вашу Анету. Я читала его письмо к Киру И., он себя не помнит от счастья. Еще раз прощайте.

№ 17

1820. Псков. 26-го, в понедельник, 5 часов пополудни.

Наши поехали на учения, а я села опять с вами побеседовать. Кайсаров у нас обедал, был очень любезен, и я обещала ему писать к Ротту, чтоб некоторым образом загладить вину свою, что я не привезла ему ответа, что и исполнила: сегодняшней почтой послала в маменькином письме.

Только что получила Йорика, в нем отмечены многие места, напоминающие наше с ним положение. Записка написана в высшей степени почтительно, в ней всего десять строк, в которых он благодарит меня и клятвенно обещает сохранить уважение ко мне до конца своих дней. А в книге в одном месте просит хоть строчку, написанную моим почерком, и в письме к Киру И. велит ему взять за книги собственноручную расписку у той, коей они принадлежат. В записке он более осторожен, но в книге говорит все, что хочет, то есть отмечает все те места, что напоминают его чувства. Йорика я спрятала, потому что он может вызвать подозрения. Но он еще прислал поэму о Петре Великом, думая, что она мне принадлежит, он взял ее у Алексеева. Вот о ней я скажу, будто давала ее читать Киру И. Думаю, мне следует поблагодарить его за поэму, но пока повременю, а вы скажите ему от меня, что я читаю прекрасную речь, что он прислал, и она мне очень понравилась и делает честь его тонкому вкусу. Если бы можно, я бы ее у себя оставила, не как любительница, но подражательница любителям отечественной словесности.

10 часов вечера.

Сейчас опять Кайсаров ужинал у меня, он уверяет, будто Ротт в меня влюблен, и не хочет мне верить, что нет. Я это предвидел, говорит он, я догадывался об этом, да иначе и быть не могло. Именно у ваших ножек должен он курить вам фимиами, это его настоящее место, и еще много всяких вещей в этом же роде. Он попросил переслать ему подлинный ответ Ротта, а затем, отвернувшись, сказал, что просит это ради любопытства, чтобы увидеть, в каком тоне он ко мне станет писать.

Завтра в лагере торжественный обед, кажется, без дам, а затем чай и танцы у губернатора. Я тоже поеду, уж не знаю, весело ли мне там будет, думаю, навряд ли. По нынешнему состоянию моего сердца, одиночество гораздо более мне по нраву. Признаться ли? Достойный предмет, что завладел моей душой, ныне поглощает все мои силы и интересы. И еще признаюсь: первый раз люблю я взаправду, и все другие мужчины совершенно мне безразличны. Бывало прежде, когда я думала, что люблю, меня все же иной раз заботил мой успех, теперь все это кажется мне ничтожным. Любезный Кайсаров ничуть не трогает моего сердца, несмотря на все лестные слова, что он мне расточает. Вот уже три недели, как я живу под одной крышей с интересным молодым человеком, который меня любит и иногда говорит мне это, и все время находится подле – однако это ничуть меня не затрагивает, я чувствую, что не могу любить его истинной любовью, ибо души наши чужие друг другу, а без этого не может быть истинной любви. Признаюсь вам, что все это просто несравнимо, там моя душа чувствует его душу в каждом слове, которое он произносит (надобно бы сказать: произносил, ибо счастливое то время миновало), а иной раз даже когда и молчит. Никогда мне этого не забыть. В своем письме он рассказывает об именинах папеньки, о Поле, о том, как он похож на меня, о недовольствах Лизы. Он даже удивляется ее характеру, но он просит мне об этом не рассказывать, потому что, если это меня огорчит, он потом всю жизнь будет несчастен. Так что прошу вас, мой ангел, пусть это останется между нами. А вы мне насчет этого никогда не писали, может быть, дело в том, что вы редко ее выдаете? Прежде всего я вам скажу, что меня она ненавидит, потому что завидует и не любит ни брата (оттого, что

у него сходство со мной), ни маленькую сестрицу. Это дурной характер, но вот ее любят и не принесут в жертву, и воспитание она получит блестящее. Простите, мой ангел, что я немного ропщу, когда сравниваю ее судьбу со своей.

Спокойной ночи, мой единственный друг, передайте милой моей маменьке, что ничто не может сравниться с моей любовью к ней, и про себя тоже знайте, мой ангел, что нет на свете никого, кто любил бы вас более нежно, чем ваша Анета. Спите спокойно.

27-го, в 2 часа.

Только что ушел Кайсаров, он у нас завтракал, сейчас все они в лагере, а я сижу одна. Я уже вам писала, что мы нынче едем на вечер к губернатору, не думаю, что я получу там удовольствие, разве можно это сравнить с веселием, какое я испытала у вас – никогда не изгладится у меня сладостное воспоминание о том вечере, когда я была у вас вместе с маменькой. Какая я была тогда счастливая! Все это теперь кончено навеки, и я предпочла бы смерть теперешней жизни.

И в довершение всех моих бед меня еще преследует этот его племянник, ни минуты нет от него покоя, потому что он все свое время проводит со мной, для меня в сто раз было бы лучше, если бы он меня не любил, по крайней мере не ходил бы за мной по пятам, и у меня было бы больше свободного времени.

27 июля. В полночь.

Мы только что вернулись. Вечер у губернатора был довольно приятный. Танцев не было, пили чай, за ужином очень потешались над малороссами, особенно Кайсаров беспрестанно со мной ссорится, а кажется, очень меня любит. Мы там ужинали, а оттуда в одной карете возвратились назад. Муж просил его, чтобы он каждый раз, как будет здесь проезжать, останавливался у нас, и мне сказал, чтобы я о том попросила. Тогда я ему говорю по-русски: «Нам очень будет приятно, если вы без церемоний у нас остановитесь». Тут вдруг он со страстью схватывает мою руку (мы рядом сидели), горячо ее пожимает и спрашивает: «В самом деле? Это правда?». Я ему отвечаю, что, разумеется, это доставит нам большое удовольствие, а он поцеловал мне руку, и я никак опомниться потом не могла – мы как раз выходили из кареты, а муж из нее уже вышел.

Надобно вам сказать, что губернаторша очень собой хороша, только в ней совсем нет светской учтивости, которая бывает у нас, когда мы того хотим. Уезжая, он еще мне сказал, что ее красота блекнет, когда меня увидишь. Вот вам небольшой отчет о нынешнем вечере. Прощайте, добрый друг мой, спокойной ночи, спите спокойно. Я сегодня была в новом шитом платье, и ваша закладочка синей шерсти прекрасной с синелью, и белая шаль. Прощайте еще раз, *мой друг-хранитель, ангел мой*. Вечно ваша Анета.

№ 18

28 июля, в 11 часов утра, среда.

Здравствуйте, мой нежный друг. Нынче муж, кажется, переезжает в лагерь, а значит, и мне надобно будет быть там. Признаться, мне это довольно грустно; я сделалась страшной мизантропкой, ибо чувствую себя гораздо счастливее, когда никого не вижу. Кайсаров уехал еще вчера к вечеру, я очень этому рада, а вот что меня огорчает, так это то, что Магденко к нам сюда не приедет, он сказал Кайсарову, что ему это неприятно из-за ссоры обоих генералов. Пока здесь был Кайсаров, Кир сказывался больным.

Думаю поехать сегодня к г-же Пальчиковой, чтобы поблагодарить ее за любезность – она дала мне фортепиано и книги, а у меня до этих пор голова до того была занята, что я не могла найти минуты, чтобы хотя бы поблагодарить ее запиской. Не следует быть неблагодарной, всегда надобно высказывать память сердца (такое определение благодарности сказал мне вчера Кайсаров).

30 июля, пятница.

Весь вчерашний день я не писала вам, мой ангел, и вот почему: приходит вчера после обеда мой драгоценный супруг и сообщает о своем намерении пригласить губернаторшу и еще некоторых дам в лагерь на чай, а после устроить танцы. Мы с ним наметили программу, и я уже было собралась ехать к г-же Пальчиковой, как вдруг мой драгоценный, мой благородный супруг спрашивает у меня ключи. Я прекрасно понимала, что они ему без надобности, а просто он желает испытать, не побоюсь ли я их ему оставить; меня, признаться, это возмутило, я не хотела их ему давать, тогда он отнял их у меня чуть ли не силой. Я была просто взбешена таким недостойным и подлым поведением. Вся внутренняя перевернулась. Я ему сказала, что сам дьявол бы так себя не вел. Вы ведь знаете, какая мягкая у меня натура, добром от меня можно добиться самой большой жертвы. И что же после этого он делает, как вы думаете? Садится со мной в карету, не дает мне из нее выйти, и дорогой орет на меня во всю глотку – он-де слишком добр, что все мне прощает, меня-де видели, я-де стояла за углом с одним офицером. А как увидел мое возмущение, тут же прибавил, что ничему этому не поверил. Тогда я сказала, что лучше быть запертой в монастыре до конца своих дней, чем продолжать жизнь с ним. Если бы не то, что, на вечное свое несчастье, я, кажется, беременна, ни на минуту бы с ним больше не оставалась!

Как я несчастна, что вынуждена огорчить вас, я сама первая от этого плачу, но к кому же мне прибегнуть, что мне теперь делать? Зачем велели вы мне уехать от вас? Уединенная, замкнутая жизнь, какую я здесь веду, все равно не спасает меня от этих оскорблений. Потолкуйте об этом с Ольгой Андреевной и напишите, что мне делать. Только, ради самого неба, ради любви ко мне, ради всего, что вам дорого, не огорчайтесь из-за этого, мой ангел, не то мне уж вовсе не к кому будет прибегнуть. Между тем он не хочет огласки. Если бы я тогда осталась, никто ничего бы не знал, и все бы считали, что мы по-прежнему в добром согласии, теперь же этого уже нельзя будет сделать. Вы не думайте, что мне скучно будет дома, – нет, я сидела бы, запершись, в одной комнате, ни с кем, кроме вас, не видясь, и довольна была бы своей судьбой; правда, я чувствую себя созданной для светской жизни, но вспомните – ведь умела же я быть веселой в вашем уединении. Так вот, я решила, что в Петербург с ним осенью не поеду, а, может быть, отправлюсь повидать моих подруг, после чего до конца моих дней буду жить подле вас. Если же, на свое несчастье, я в самом деле беременна (это еще не наверное), то рожать я, может быть, поеду в Берново к тетушке Анне Ивановне, а ежели бог даст, я рожу прежде времени (о чем ежечасно молю бога и думаю, что не грешу перед ним), тогда я, может быть, приеду прямо к вам, если только буду уверена, что отец

меня не выгонит: ведь сказал же он однажды мужу, что, если бы я его оставила, двери родительского дома были бы для меня закрыты. В своем ослеплении он уже заранее готовится сделать свое дитя несчастным. Не пришлось бы ему в этом каяться! Вот бедную маменьку мне более всего жалко, сестра Лиза никогда – смею это утверждать – не станет так любить ее, как я, и не будет так предана ей до последнего своего вздоха!

Надобно вам сказать, что позднее он все же попросил у меня прощения за грубость. Бедная моя дочка, которая была с нами, так испугалась громких воплей этого бешеного человека, что с ней сделался понос. Так что мне кажется, что хотя бы ради интересов ребенка нам лучше не жить вместе, ведь для нее это дурной пример, а она уже все начинает понимать. Проехавши несколько верст, мы поворотили домой. А вчера я снова туда поехала. Эти милые люди очень мне были рады, они ведь все любят меня до обожания. Я их пригласила на сегодня, итак, у нас будет большой бал и еще фейерверк. Какой контраст с тем, что творится в глубине моей печальной души! Может быть, и дорогой мой Магденко тоже придет, и мне кажется, что произойдет примирение с Лаптевым. Этим занялся губернатор, оба противника должны явиться к нему с утра, и, если все уладится, Лаптев сегодня вечером придет в лагерь.

Вот вам описание тех двух дней, в которые я не имела силы держать перо. Если вы, мой ангел, прикажете мне оставаться и терпеть, я безропотно вам подчинюсь. Но говорю заранее, что стану жить еще более уединенно и ни за какие богатства мира не поеду с ним в столицу. Я слишком несчастна и не в состоянии буду показывать свету безмятежное лицо, в то время как в сердце моем – смерть. Ведь вы согласны со мной, не правда ли?

№ 19

30 июля, пятница.

Бал наш состоится сегодня. Завтра я сообщу вам, как он прошел. Вчера я читала прекрасную эту речь казанского епископа; признаюсь, она очень подействовала на мою душу, и это чтение очень полезное для тех, которые надеются только на вечную жизнь. Скажите Иммортелю, что я убедительно прошу оставить, ежели можно, ее у себя, что это будет служить бальзамом для больной души моей. Признаюсь вам, картина, живо описанная, будущей жизни много успокоила мои чувства и придала твердости переносить мои несчастья, – это послание настоящего ангела-утешителя. Советую вам достать это и прочесть, оно достойно вашего внимания.

Прощайте, мой ангел, теперь мне легче стало, когда я излила чувства свои в вашу душу. Оставляю перо, чтобы подготовиться к празднику нашему; и успею, может быть, показать посторонним спокойную и веселую наружность.

Только что получила письмо от Магденки. Он отказывается от нашего приглашения под предлогом простуды, которая даже помешала ему (по его словам) лично представить свой второй полк Кайсарову. Его письмо наполнено всякими лестными для меня словами, он говорит о безграничной своей преданности мне, что-де, зная его сердце, я могу судить, насколько тяжело ему быть вынужденным отказать мне. Я думаю, настоящая причина та, что он не хочет быть втянутым в какие-либо распри между моим драгоценным супругом и Лаптевым!

А насчет последнего я сейчас узнала, что губернатору нынче утром удалось их примирить и Лаптев пообещал приехать в лагерь. Надеюсь, что вас порадует эта новость, хотя я и уверена, что помирились они не от чистого сердца; но, по крайней мере, будут соблюдены внешние приличия – а это уже для общества что-то значит.

Однако, принимая в соображение содержание моих писем, я навряд ли могу рассчитывать, что вы ожидаете почту с особым удовольствием. Я отдала бы все на свете, чтобы иметь возможность сообщать вам иногда приятные новости, но я не должна ничего таить от вас, это нарушило бы всю прелесть взаимного нашего доверия – и вот мне постоянно приходится вас огорчать, а ведь я бы десять лет жизни отдала, чтоб только уберечь вас от всего печального и вернуть вам здоровье. Чем больше я думаю, тем более раскаиваюсь, что написала вам о всех своих горестях, умоляю вас, милый мой друг, не печальтесь, не расстраивайте из-за меня драгоценное свое здоровье, берегите его ради нас, не я одна вас о том молю. Есть особы, несказанно мне дорогие и весьма достойные вашего уважения (осмелюсь даже сказать, любви), кои просят вас об этом ради меня. Только посоветуйте, как мне быть, все, что вы скажете, будет для меня священным, и я немедленно последую вашему совету.

«На балу в Екатерининском дворце».
Художник В. Рубаненко

Как ни отраднo было бы мне переписываться с Полем, я только что написала ему несколько строк, в которых благодарю его за книги и уведомляю, что это последние строки, кои он от меня получит, ибо я не желаю иметь повод упрекать себя за тайную переписку. Вот дословно то, что я ему написала, и я уверена, вы меня за это похвалите. Но вы не станете гневаться, если я скажу вам, что его записочку, которая вся дышит почтительностью, благоговением и благодарностью ко мне, я зашила в кусочек тафты и ношу на крестике подле

сердца, на месте того талисмана, что вы мне надели и который я спрятала. Не браните меня, мой ангел, за сие невинное утешение.

Я сейчас вновь перечитала прелестные надписи на Йорике. Что за тонкость чувств, какое благородство в малейшем его поступке. И это существо, столь достойное моей привязанности, законы не позволяют мне любить, и я вынуждена жить для человека, чей нрав вам хорошо известен.

Дайте мне возможность порадоваться хотя бы тому, что вы изредка говорите ему обо мне, что ему, я знаю, хорошо известно, как велико мое к нему уважение. Я не смею сказать ему, что отвечаю на его нежные чувства всем существом своим, что ничья любовь не может сравниться с той, какую я питаю к нему и которой он столь достоин во всех отношениях. Но не скрывайте от него хотя бы то, что я несчастлива, и ежели он почитает себя страдальцем, пусть знает, по крайней мере, что я страдаю еще более его.

Скажите мне, имеете ли вы иногда возможность читать ему из моих писем? Меня бы очень это утешило. Не браните меня. Вам, верно, кажется, что я слишком много пишу о сем предмете, но подумайте, мой ангел, несчастный утопающий хватается за соломинку, чтобы спасти себе жизнь, – так проявите же в этих обстоятельствах свою обычную снисходительность и простите свое дитя, единственного своего друга, за то, что он слишком предается сердечной своей склонности, которая лишь одна являет ему поддержку в его горестях. Может ли сердце, столь любящее, как мое, жить без любви – той невинной любви, какой является наша, любви, которая никому не причиняет зла и уголаживает нам, быть может, вечное блаженство.

31 июля, в субботу.

Сейчас четыре часа пополудни, а я только что встала с постели, так устала от бала. Бал был блестящий – чудная иллюминация, прелестный фейерверк, а после этого разыгран был небольшой ночной бой. Лаптев был как нельзя более любезен, все были счастливы и довольны, кроме вашей Анеты.

Во вторник офицеры наших двух полков тоже дают бал в тех же палатках – полковник просил меня оказать им честь и, как вчера, принимать дам и быть хозяйкой праздника. Так что мне предстоит еще один бал, а потом генерал Лаптев тоже намерен устроить праздник.

Я не отказала доброму полковнику быть хозяйкой на их балу (его жена не может быть, она сама кормит), он меня просил во имя всего корпуса офицеров, они все меня очень любят. Это очень утешительно, но не утешает. Уголок вашей комнаты я предпочла бы царствованию над всеми здешними сердцами, всеми почестями и суетными удовольствиями.

Буду ожидать с большим нетерпением ответа на эти нумера; вы извините, что не пышное и не пространное описание нашего бала. Я не буду по-прежнему (когда я была свободна и спокойна) описывать вам мои *победы*. Я их не примечала и слушала хладнокровно двусмысленные недоконченные доказательства удивления – *восхищения*.

№ 20

31 июля, суббота.

Итак, я вам о сей статье ничего более не скажу. Так как вы здесь никого не знаете, то вам и не интересно знать действующие лица этого праздника. Насчет моего наряда скажу вам, что на мне было белое вышитое платье на розовом чехле, зеленые шелковые башмаки и зеленый платочек, на голове ничего. Сейчас получила неоцененное письмо ваше, мой ангел; никогда без слез не читаю драгоценные для меня ваши строки. Как я счастлива, что вы мною довольны, это заставляет меня забывать и терпеливо сносить все мои страдания. Теперь скажу вам, что мне хотелось, чтобы вы сами выбрали себе платок, и потому я не сказала вам, что черный я надевала один раз и потому желала, чтобы он перешел с моих плеч на ваши плечи. Этого я вам тогда не сказала, думая, что вы пожертвуете своим вкусом, чтобы сделать мне удовольствие. Я очень рада, что кисет мой понравился папеньке, и благодарна за снисходительность его. Доставка утешения Ольге Андреевне также принесло мне неизъяснимое удовольствие. Приезд Бухариной не так меня утешает, я боюсь... простите, она не может и вполтину иметь к вам столько привязанности, я хоть совершенно уверена в вашей, но кто не ревнив, любя? Я не имею нужды просить вас не оставлять мою бесценную маменьку; я знаю вашу душу; хоть это желание можно назвать эгоизмом, но я желала бы, если возможно, чтобы вы их не оставляли, и если я смею сказать свое мнение, то я думаю, хорошо бы было почтеннейшей бабушке продать свое имущество в Соснице, где ничто ее не привязывает, и переехать жить с Пелагеей Петровной.

Ваше здоровье, хотя и поправится, не скоро позволит ее навестить; а тогда я бы была совершенно на счет ваш покойна. Я сузу о вас по себе и без содрогания не могу подумать, как с вашей душой жить между такими людьми, как в Соснице, это меньше, чем не жить. Напишите мне, как вам покажется, мое мнение. Еще благодарю вас за присылку письма Каролининого. Оно немножко странно для меня после прочих. О том предмете она не упоминает, меня удивляет это чрезвычайно, да и вы не сказали мне на счет этого своего мнения, каким образом она попадет в Лубны, я не понимаю.

За выписку из этой прекрасной проповеди очень благодарю, потому что это мне показывает, что у нас почти одинаковый вкус, эти самые места мне понравились. Я удивляюсь, что вы думаете, что она для меня не будет занимательна: я ее имею. Я несколько раз перечитала ее с величайшим удовольствием, и у меня явилось желание попросить его оставить мне ее навсегда, если это не будет для него слишком большим лишением. Но я узнала, что и у вас тоже она была, стало быть, есть с нее список, так что теперь я уверена, что он мне не откажет. Она так хороша, так усладительна, что чтение ее успокаивает самые большие горести надеждой награды за оные и лучшую жизнь. Болезнь его очень меня тревожит, слава богу, что она не опасна. Скажите ему от меня, что я прошу его беречь свое здоровье и что я крайне ему признательна за утешение, которое он доставил мне сим усладительным чтением.

«То, что любим, удаляется от нас! То, чего желаем, убегает нас; то, чего страшимся, случается с нами; мы никогда не бываем счастливы со всех сторон». Это я больше, нежели кто-нибудь, могу сказать. Кому, кажется (по наружности), более счастье улыбается? Кто, однако ж, внутренне более страдает? Вы одна это знаете и одна можете несколько облегчить оные. «Одно лишение не заменяется всем, что в руках наших». Как это справедливо! Вчера во время окружавших меня веселостей сколько раз я думала об этой проповеди. Как мало соответствовали все эти веселости тихим и скромным желаниям моего сердца; как охотно бы я поклялась никогда не участвовать в оных, если бы когда-нибудь исполнились последние. Тогда ваша комната превратилась бы для меня в рай земной. Никакие добродетели в вашем присутствии не могли бы быть чужды моему сердцу. Две чувствительнейшие в мире души

наслаждались бы неоцененной вашей дружбой и старались бы всеми силами успокаивать вас и сберегать неоцененное для них ваше здоровье.

Но я примечаю, что я пустилась почти в житейские желания, и хотя это не похоже на суету суетствий, но на такое совершенное счастье, которого вряд ли какой смертный достоин; простите, я все пишу, не поправляя и не обдумывая, что приходит мне в голову, и оттого нередко забываюсь. Любовь ваша мне порукой за ваше снисхождение. Вы пишете мне еще, что люди есть, которые завидуют моей к вам дружбе. Бог с ними. Надобно уметь любить, чтоб заслужить быть любиму. Не любив никого, кроме себя и своей выгоды, я не понимаю, как можно завидовать взаимности, оказанной другому. Между нами сказать, я в пребывание свое довольно узнала характер Лизы; и хотя не часто сообщала вам на сей счет свое мнение, но ясно видела, что она не имеет ко мне ни малейшей привязанности, и ежели желает оной с моей стороны, то для того только, чтобы лишь понравиться папеньке.

Это единственная цель наружных ее добродетелей, она для этого будет всегда притворяться, что по своим летам довольно искусно делает. Это истинная правда, хотя далеко не утешительная.

Итак, вы видите, что я не могу с ней иметь пространную переписку ни по летам нашим, ни по образу наших мыслей. Папенькина к ней любовь не позволяет ему видеть ее фальшивого характера, но пусть он будет лучше слеп, нежели несчастлив и этой дочерью, хоть другим образом.

Оставляю перо, чтобы отдохнуть немного; обнимаю моего единственного друга, никогда не забуду вас, клянусь душой!

Тебя забыть, но кто же будет
Мне в жизни радости дарить?
Нет, прежде бог забудет.
Тебя забыть, тебя забыть!

Покойной ночи вам желаю и приятнейшего сна. Христос с вами. Благословляю вас. Целую ваши глазки. Прощайте еще раз. Вечно ваша Анета.

№ 21

1 августа, 5 часов вечера.

Вот уже и август на дворе. Как быстро течет время в горестные минуты жизни! Но те, что я провела с вами, пролетели еще быстрее; то был лишь сон, самый прекрасный сон в моей жизни, и воспоминание о нем я сохранию до последнего своего вдоха.

Нынче утром я была удивлена и обрадована приездом г-на Магденки. Дружба его для меня драгоценна, каждый день все более убеждаюсь в этом. Мы говорим с ним о вас и о маменьке, он обещал, что осенью будет в Лубнах и посвятит целых два дня, чтобы познакомиться с милой моей маменькой. Он многое расскажет вам обо мне, я уверена в этом, ведь он питает ко мне истинную дружбу. Он остается здесь до послезавтра, дня бала, он говорит, что хочет быть сторонним наблюдателем и позабавиться на счет одного из моих обожателей, которого ему назвал муж.

Скоро у вас в Лубнах будет ярмарка, снова там воцарится веселье, а бедная ваша Анета в это время будет стенать под бременем всякого рода забот, твердя мысленно стихи, что запечатлелись в глубине ее сердца:

Que le bonheur arrive lentement.
Que le bonheur s'écoule avec vitesse²⁰.

Сделайте мне удовольствие, спросите когда-нибудь в разговоре у Иммортеля, какая причина вынудила его сменить платье, – помните ту смешную историю в саду; а еще спросите, какие женские имена ему более всего нравятся.

7 часов вечера.

Наши поехали в лагерь сегодня, сейчас, и я опять принимаюсь за перо. Магденко мне рассказывал сию минуту о недавно случившейся революции в Неаполе. Он читал это в газетах. В самом деле, удивительная вещь. Требование народом и войском конституции, о чем король и министры после всех узнали, и революция, которая не стоила ни капли крови. Думают, что это взбунтует французов, которые не захотят уступить итальянцам в тонкости, и что наконец что-нибудь да будет. Вы знаете мое мнение; все, что может меня с вами сблизить, не может мне быть противно. Я же не считаю за грех желать того, чего все войско наше желает. Я сейчас начинаю строить на воздухе замки: вы довольно знаете, какого роду.

Скажу вам, что я получила из Петербурга мои часы, и слава богу, когда одна, то знаю наверное... который час. Переселяюсь мысленно в вашу комнату, пью с вами чай; иногда хожу по комнате и всегда, когда одна, так живо представляю себя с вами вместе, что сия обманчивая прелестная мечта услаждает на минуту мои горести.

2 августа, в 10 часов утра.

Здравствуйте, милый друг. Нынешнюю ночь я провела прекрасно: видела вас во сне. Будто я была в вашей комнате, и Иммортель тоже. Зачем все это не наяву? Скажите, мой ангел, как вы думаете, всегда ли он будет любить меня? Не знаю почему, но меня преследует безумная мысль, что он разлюбит меня, как только узнает о моем положении, – и мысль эта сокрушает мое сердце. Развейте мои сомнения, успокойте меня, мой ангел, ведь я больная, со мной надобно обращаться с осторожностью.

²⁰ Как медлит прийти счастье, Как быстро счастье пролетает (*фр.*).

Прощайте, единственный мой друг, будьте здоровы, милый ангел. Ради любви ко мне, оправдайте меня перед Ольгой А., что ей не отвечаю: у меня так мало времени.

Магденко еще у нас и останется до 4-го числа. Муж с ним очень хорош, но на свой лад, обиняками кормит, а он делает вид, будто не замечает, – и я тоже. Вчера ввечеру он был у меня в кабинете, и я ему читала «Любовь есть кризис». Он до чрезвычайности хвалил перевод, хвалил многие места, он имеет это на немецком, это Шиллера сочинение; но говорит тоже, что «мы не боги и земля не Олимп». Прощайте, моя родная, Христос с вами, на будущей почте поищу послать что-нибудь Лизе на ее именины. Грустно очень, что здесь нельзя ничего достать. Прощайте еще раз, сокровище мое, с нетерпением буду ожидать вашего журнала. Скажите мне, мой ангел, как вы думаете, ежели я вправду беременна, приезжать мне к вам для родов? Я так полагаю, что нет, потому что, коли я снова приеду к вам одна, мне потом и вовсе будет не уехать. Кажется, я уже вам писала, что в Петербург не поеду, решение это твердо.

Прощайте, единственное мое утешение, ради всего святого, берегите свое здоровье, видит бог, оно дороже мне моего собственного.

Завтра состоится бал. После того как письма эти будут отправлены, я снова начну свой дневник и уж тогда все вам опишу.

Пожалуйста, обнимите за меня вашу сестрицу, ее мужа и детей. Как я завидую судьбе г-жи Бухариной, что она снова окажется неподалеку от Лубен. Когда б она могла оценить всю полноту своего счастья! Кланяйтесь от меня всем своим знакомым. Передайте от меня Иммортелю все, что только подскажет вам ваше доброе сердце, а главное, чтоб он был здоров и т. д. и т. п.

Прощайте же, меня торопят, да хранит вас господь, мой ангел. Любите по-прежнему вашу навеки Анету.

№ 22

Псков, 1820 г. 2 августа в 2 ч. пополудни.

Только что совершила небольшую прогулку с Магденкой, Катенькой и Кир И. Он обмолвился, что муж обещал ему погостить у него недельку в лагере вместе со мною. Он был очень удивлен, когда я сказала, что хоть общество его мне и очень приятно, но я сделаю все от меня зависящее, чтобы в этом не участвовать. Мне надобно совершенно отказаться от общества, чтобы сохранить свои силы для выполнения тяжкого своего долга. Не могу я выносить оскорбительные подозрения, коими он беспрестанно мне досажает. Я слишком страдаю нравственно, чтобы чувствовать себя хорошо в обществе порядочных людей. Так ужасно быть вынужденной все время краснеть. А оставаясь в одиночестве, я проведу время с пользой и выиграю и в спокойствии, и в своих занятиях.

После обеда мой муж и Магденко отправились в гости за десять верст отсюда. Вы не представляете себе, до чего он милый. Мы провели два часа в приятнейшей беседе, и вы догадываетесь, конечно, что говорил более всего он и оставил мне изрядное удовольствие своими шутками над милым племянничком, который при своем недалеком уме и самом дурном воспитании ужас до чего самолюбив. Добрый г-н Магденко изо всех сил старался, чтобы тот почувствовал себя более непринужденно, но из этого ничего не получилось. Мне досадно, что он старался понапрасну. Керны не умеют быть любезными, они слишком высокого мнения о себе, и это мешает им понять, как мало они из себя представляют. И мой дорогой супруг, не то обиженно, не то шутливо, кивал головой, делая вид, будто он понимает больше, нежели хочет показать, а сам-то ровно ничего не понимал, вы же знаете, тонкая, остроумная беседа нам недоступна, это не наше дело, не про нас это писано.

Когда Магденко уходил, он хотел непременно через час возвратиться и пожалел, что у него нет с собою часов. Я предложила ему свои, те, что были у меня на шее, а как стала их ему надевать, цепочка зацепилась за его пуговицы, и тут он стал говорить всякие любезности, что вот теперь он закован в цепи, а потом сказал, что по его неловкости я сразу могу увидеть, как он к ним непривычен. Чтобы выйти из затруднительного положения, я стала говорить, что прошу его набраться терпения, ведь он так часто мне его проповедует, и вот теперь я покажу ему пример своего долготерпения, а уж он, разумеется, не пожелает выглядеть в моих глазах дьяволом, проповедующим мораль.

«Летний вечер на севере».
Художник С. Берг. 1899 г.

Муж просил меня сыграть на фортепиано и спеть, а я отказалась самым решительным образом – нет, это был не каприз – я слишком уважаю Магденку, чтобы хотеть прослыть в его глазах капризной; но просто я хорошо понимаю, что лишь немногим людям моя игра и пение могут доставить удовольствие, и эти немногие – в Лубнах. Мне тяжело подойти к фортепианам с тех пор, как я узнала, что игра моя могла действовать на чувства достойнейшего в мире существа. Я твердо решила, если возможно, не ехать к Магденке после той неприятной истории, о коей вы знаете. Поймите, мой ангел, душе моей должно теперь чуждаться удовольствий. Если бы не подозрения насчет моей беременности, я бы убежала отсюда куда глаза глядят, только бы избавиться от этого несчастья – разделять судьбу с таким грубым, неотесанным человеком. После завтрашнего празднества я хочу затвориться в своей комнате, никого решительно не видеть, только писать вам да молиться богу, взывая к божественному милосердию его, дабы он как-нибудь соединил меня с вами или же принял меня в лоно свое.

3 августа, в 11 час. утра.

Сейчас приезжал офицер еще раз просить меня быть сегодня у них на бале хозяйкою, я еще спала, когда муж мой вторично за меня дал слово. Сейчас зовут меня гулять пешком, я долго отговаривалась, но наконец должна была согласиться, и я пойду.

5-го, в полдень.

Бал был великолепнейший, но мне не очень было весело, потому что Катя захворала немножко. На другой день Лаптев у нас обедал и еще кой-кто. Как ни мало обходителен

мой драгоценный супруг, он страсть как любит устраивать приемы и ради них просто готов разориться. Напрасно мы с Магденкой отговаривали его, ничего из этого не вышло, он все твердил, что должен показать Лаптеву, кто он такой.

Бедная моя дочка все еще не совсем здорова. Магденко просидел у нас за полночь. Он чуть ли не со слезами умолял меня сделать ему честь и присутствовать на его празднике, если только Катенька поправится, но я решительно отказала ему – можно еще выносить оскорбления, если их слышат одни стены, а на людях это слишком тяжело. Единственная моя защита – это одиночество.

Вы только представьте себе – вчера мы втроем сидели в моем кабинете, я очень тревожилась за Катеньку и шутя ему сказала, что у него, так же как и у меня, на болоте глаза. Так вообразите, он до того разобиделся, что сказал мне при Магденке: «По милости твоей должен кулаками слезы утирать». Я прямо была поражена. Одно из двух – либо нам не жить вместе, либо мне не выходить из своей комнаты: никакие удовольствия не окупят всех этих мучений и не исцелят моих душевных ран. Чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь, что в тысячу раз лучше было бы мне оставаться у вас.

В 6 часов вечера.

Катеньке, благодарение богу, лучше, и я немного успокоилась. Сам Лаптев заезжал узнать о ее здоровье и передал мне книгу трагедий, переведенных Висковатовым, – это один поэт, который живет здесь неподалеку. Его вдохновляла любовь, а потому я нахожу, что места, где он говорит об этом предмете, довольно хороши. Так как вам, может быть, никогда не представится другой случай прочитать его перевод, я с удовольствием посылаю вам выписки из наиболее красивых мест. Это по-русски, стало быть, вы и другим сможете доставить удовольствие их прочитать.

№ 23

...часов вечера.

Итак, посылаю вам выписки из Гамлета, это не изящные, но лучшие места из очень посредственного перевода. Сейчас можно видеть, какого рода сочинитель; я думаю, он очень успешно бы писал в нежном роде, не выходя из своей сферы. Надеюсь, что вам будет приятно читать этот маленький отрывок. Завтра 6 августа, день веселия и удовольствия в Лубнах; у вас, верно, будет много гостей, и я боюсь, чтобы не сбылась пословица «*Les absents ont toujours tort*»²¹, нет, я уверена, что никакие удовольствия вас не заставят забыть о бедной вашей Анете, печальной псковской затворнице; в теперешнем моем состоянии я много нахожу сходства с наказанием Тантала, который, утопая в роскоши, просил из милости каплю воды для прохладения пылающей внутренности. Так точно и я окружена удовольствиями, всякого рода почтением и привязанностью всех окружающих меня, я кровью бы заплатила за одну нежную, ласку моей несравненной маменьки, ваш взгляд, мой ангел, придал бы мне бодрости; но это тщетные желания.

Вотще простру от сердца руку,
Ни голос твой, ни взор меня не усладят.

Прощайте, мой бесценный ангел, удовольствие с вами беседовать заставило меня забыть, что мне нужен, очень нужен покой; Христос с вами.

6 августа, в 6 ч. вечера.

Целый день не имела силы взять перо в руки, противоположность окружающих вас сегодня удовольствий и сменяющих ежеминутно меня горестей терзала мою душу. Сейчас имела маленький разговор с моим мужем и получила от него честное слово не требовать от меня выездов никуда, он осенью поедет в Петербург и позволяет мне остаться дома. Ежели же ему не дадут дивизии, то будет проситься за границу до получения оной или до войны; а я имею приехать к вам. Вы не будете столько жестокосерды, чтобы запретить или отсоветовать мне это, а, верно, примете опять меня с чувством нежнейшей привязанности и позволите посвятить это время дружбе к вам или, лучше сказать, любви. Одна эта мысль впредь будет поддерживать мое существование, одна эта надежда будет отныне подкреплять мою жизнь; это не прежде может случиться, как с будущей весной. Если луч этого благополучия будет иметь на вас столько влияния, сколько на меня, то я довольна и не имею нужды в другом уверении вашей привязанности ко мне. Благодарю моего создателя за посланное в скорби мне утешение и совсем неожиданно. Теперь постараюсь сообщить вам отрывки из г-жи Сталь, которые я нарочно выписала, надеюсь, что вы их одобрите, наши вкусы так согласны, я бы их перевела, но не имею лексикона, боюсь испортить слог, постараюсь когда-нибудь и доставлю вам.

²¹ Отсутствующие всегда неправы (*фр.*). Здесь по смыслу близко к русской поговорке: «С глаз долой – из сердца вон».

№ 24

«En général, ceux dont la félicité n'est point interrompue, s'aperçoivent à peine de sa dure. Il n'en est pas de même quand elle leur échappe. Le chagrin leur en montre alors tout le prix et le malheur leur fait sentir tout ce qu'ils perdent».

«Обыкновенно те, которых блаженство никогда не было прерываемо, почти не замечают течение оно. Но это уже не то – когда оно удаляется, огорчение показывает всю цену оно, и несчастье заставляет чувствовать все то, что они теряют», – это из г-жи Бэрней – перевела я.

Этот отрывок очень справедлив и приличен к теперешнему моему состоянию, одна только разница: что я очень чувствовала цену того блаженства, которым у вас наслаждалась; но мне кажется, что я теперь не довольно благодарна за оно и не довольно великодушно переношу мои горести. Никто из окружающих меня не может постигнуть моего состояния, и справедливо говорит г-жа Сталь:

«Il faut de l'imagination pour deviner ce qu'un cœur peut faire souffrir, et les meilleurs gens du monde sont souvent lourds et stupides à cet égard, Ils vont à travers les sentiments comme s'ils marchaient sur les fleurs en s'étonnant de les flétrir».

«Надобно иметь воображение, чтобы отгадывать страдания сердца, и самые лучшие люди в свете иногда бывают тяжелы и просты в таких случаях, они проходят, подавляют чувства, как будто наступая на цветы, и удивляются, что они от этого увядают». Чем больше я читаю г-жу Сталь, тем более ее люблю и почитаю и нахожу суждения ее отличнейшими – в особенности, когда она говорит:

«Il y a dans le mariage malheureux une force de douleur qui dépasse toutes les autres peines de ce monde».

«В несчастном супружестве есть такие страдания, которые превосходят всевозможные другие горести в свете».

7-го, 3 часа пополудни.

Сейчас получила неоцененное письмо ваше, мой несравненный ангел; оно имело то же действие, какое все прочие радости и горе знаменуются у меня одинаковым образом.

Я обливаюсь слезами над умиротворяющими строками вашего письма и горячо молю небо ниспослать мне утешение – и когда-нибудь соединить нас с вами. Я вас уже благодарила, мой ангел, и писала вам, что я А. А. заплатила 9 руб. за закладочку, я с вами квит, впрочем, вы бы меня очень обязали, продавая ваши изделия, как другим, для меня это ничего не стоит, а вам для аптеки очень нужно; дружбе ни в чем не должно быть отказа; она очищает все, до чего касается, то, что принадлежит мне, принадлежит и вам. Я бы отдала половину своего достояния, когда б это могло вернуть вам здоровье. Только одно место в вашем письме доставило мне удовольствие, не омраченное печалью, – это то, где вы просите прислать вам разные вещи. Чулки уже заказаны, а материю постараюсь получить из Дерпта, как только будет оказия.

Меня очень сокрушает, что вы говорите о милом моем Поле, мне даже приходит в голову несчастная мысль, что сходство его со мною ему вредит, я наверное знаю, что это причина ненависти Лизиной к нему, его прекрасный открытый нрав заставит фальшиво о нем судить, а фальшивые и лицемерные вечно будут торжествовать.

Что до гувернантки, то она оказалась достаточно политической и поняла, что при поддержке папеньки всего можно достигнуть, вот они, стакнувшись с Лизой, и добиваются его поощрения. Зачем я не там и не могу защитить и утешить бедненького моего Поля, помогать ему в уроках и оберегать от огорчений бедную маменьку.

Простите мне, если я вам признаюсь, что Лизу люблю гораздо меньше, чем их: можно ли любить тех, кто нас ненавидит, так же, как тех, кто любит нас? Согласитесь, что сие невозможно. Письмо моей бесценной маменьки заставило меня горько плакать, я вообразила, что судьба меня навсегда лишила счастья пользоваться вашими нежными ласками и ваш рай – навсегда для меня потерянный рай. Это ужасная мысль! Никакая философия не в силах заставить к этому быть равнодушной; едва ли мысль о религии и вечной жизни может утешить, но вы сами не хотите, чтобы эта мысль единственно занимала мою душу; а хотите, чтоб я не теряла надежды и в этом свете когда-нибудь пожить.

Теперь буду отвечать на письмо А. Н., но лучше сказать, на милый ваш журнал. Меня огорчает, что вы не хотите, чтоб это был Иммортель. Мне кажется, что любовь ничем не отличается от дружбы, кроме как чувственностью, а вы довольно меня знаете, чтобы понимать, что у меня к нему этого нет, нет совершенно; я люблю его как друга, как нежнейшего из друзей; я бы всю жизнь провела с вами двумя, да еще с доброй моей маменькой, и ничего другого бы не желала. Если бы я освободилась от ненавистных цепей, коими связана с этим человеком! Не могу побороть своего отвращения к нему! Мне кажется, ад был бы мне милее рая, когда бы в раю пришлось быть с ним.

Не пугайтесь, только этих чувств уже ничто и никогда не сможет изменить. Но мне и самой непонятно, почему еще большее отвращение вызывает у меня его племянник, может быть, потому, что я весьма приметлива и вижу, что это самый недалекий, самый тупоумный и самодовольный молодой человек, которого я когда-либо встречала. Обо всем-то он судит, на все-то у него готов ответ, ни с чьим мнением он не считается. Он и понятия не имеет о скромности (которая столь же необходима юноше, как и женщине), и вдобавок у него с языка не сходят самые пошлые выражения. Вот вам его портрет, хоть и не лестный, зато точно нарисованный.

Чтобы поймать меня на удочку, надобно половчее за это браться, а этот человек, сколько бы он ни исхитрялся и ни нежничал, никогда не добьется моей откровенности и только зря потратит силы. Но довольно об этом, столь мало интересном предмете, и, пожалуйста, не будем больше и говорить о нем.

Слава богу, что Иммортель выздоровел, пусть будет здорова и его душа. Вы пишете, что он человек скромный, и полагаете весьма вероятным, что его чувства ко мне остынут и даже вовсе погаснут. Боже, избави от этого! Скажите ему, что мои к нему дружеские чувства кончатся только с жизнью моей, а он свои обязан сохранить ради меня, и этим я долга своего отнюдь не преступаю и всегда буду преклоняться перед его достоинствами и боготворить его душу, прекраснейшую из всех, что существует во вселенной.

Достаточно ли я вам доказала, мой ангел, что моя дружба есть любовь, а любовь значит для меня – дружба? Я надеюсь, что вы мне в этом поверите и позволите отдаться единственной надежде, которая меня поддерживает.

№ 25

1-го числа, в 7 часов вечера.

Я только что немножко прокатилась в карете, и это принесло мне пользу. Но еще более того – молитва. Проезжая мимо отпертой церкви, я вошла туда. Шла вечерняя служба. Я стала в уголке перед образом нашего спасителя, умирающего на кресте, и горячо молилась, прося небо сохранить мне тех, кого я люблю и... Вы не можете себе вообразить, как эта молитва меня облегчила, святость места, образ умершего на кресте за нас, все это внушает упование и тихое спокойствие. Г-жа Сталь говорит истинную правду, что это прекрасное обыкновение у католиков, что у них во всякое время церкви отворены, бывают минуты в жизни, где так приятно прибегнуть к молитве в уединенном храме!

8 часов.

Я уже сообщала вам о своих надеждах, которые попеременно то успокаивают меня, то внушают тревогу. Муж мне еще прежде говорил, что не прочь был бы поехать за границу. Я полагаю, что по многим причинам это было бы для него наилучшим выходом. Пока нет войны, он вряд ли получит дивизию, если же ему попроситься в отставку, это может прогневить государя. Да и что он может делать помимо военной службы? Всякое другое занятие было бы ему не по вкусу, в делах гражданских он ничего не смыслит, он рожден военным. Так что я только одного бы желала – чтобы никто не стал отговаривать его от этого намерения. Во всяком случае, это лучшее из всего, что он может сделать. Только таким способом он получит дивизию. Он останется за границей до начала войны, и это будет для него какое-то занятие.

Скажу еще раз – вы дурного мнения о моем вкусе, ежели полагаете, будто одни только романы мне по вкусу. Думаю, я доказала вам обратное уже тем, с каким восторгом высказалась о прекрасном литературном сочинении, которое я осмелилась оставить у себя, так же как теми выписками из весьма серьезной книги, красоты которой я умею понять и почувствовать.

Воскресенье, 8-го, в 11 часов.

Вернулась из церкви, обожаемый друг мой, где, по своему обыкновению, горячо молилась за всех тех, кто дорог моему сердцу.

Могу теперь вам сказать, что дочке моей гораздо лучше: она очень была больна после того поноса. Благодаря богу и одному прекрасному здешнему врачу, она уже вне опасности, и я на этот счет спокойна. Лаптев подходил ко мне в церкви осведомиться о ее здоровье, и все те, кто ее знают, принимают ее болезнь близко к сердцу. Все ее любят, и в этом отношении она унаследовала мое счастье. Хотя бы в другом отношении она оказалась счастливее своей матери и судьба ее не походила бы на мою!

2 часа пополудни.

Мне хочется еще раз поговорить с вами о Шиповнике, или Иммортеле, называйте его как хотите; с первым именем я готова расстаться, но уже со вторым – никогда. Я хочу верить, что это крепкая, очень крепкая дружба, и хотела бы ему ее высказать; иначе говоря, если бы мне посчастливилось вновь с ним свидеться, я бы предложила ему относиться ко мне дружески и с доверием и сумела бы и сама отвечать ему тем же. Однако г-жа Сталь говорит еще так: «Les sentiments dans lesquels on n'est pas d'une vérité parfaite font plus de mal que l'indifférence».

«Чувства, не совершенно справедливые, более вредят, нежели равнодушие».

Итак, может быть, не захотели бы принять от меня предлагаемую чистую дружбу, ежели бы в ней скрывались другие чувства, которых нельзя скрыть. Как приятно иметь другом умного, любезного и с познаниями человека. Невежественный друг, как и невежественный возлюбленный, – вещь незавидная. Вот что говорит по этому поводу г-жа Сталь: «L'ignorance dans les hommes oisifs prouve autant la sécheresse de l'âme que la légèreté de l'esprit. Et alors cet homme ne mérite pas de la part d'une femme sensée aucune sorte d'attachement»²².

Хоть я получила довольно небрежное воспитание, чувство восхищения перед прекрасным, что вложено в меня природой, позволяет мне тотчас же распознать алмаз, будь он даже покрыт самой грубой корой, и мне никогда не пришлось бы краснеть за предмет своей привязанности. Когда способности человека выявляются, так сказать, сами собой, без чьей-либо посторонней поддержки, и он выказывает незаурядность и благовоспитанность, кои суть плод его собственных усилий, – это всегда признак высокой даровитости. Именно таков Иммортель. Благородство и изящество его манер проявляются сами собой, без помощи воспитания, прекрасные свойства его души заметны с первого же взгляда. Стоит ему лишь произнести слово, как сразу угадываешь его ум и те усилия, кои он употребляет, дабы с каждым днем все более обогащать его новыми познаниями. Нет надобности говорить с ним, чтобы узнать его, – достаточно лишь увидеть выражение его глаз, которое то и дело меняется, являя нам верное зеркало прекрасной души его.

²² Невежество в праздных людях столько же доказывает сухость души, сколько и легкомыслие ума. Подобный мужчина не заслуживает со стороны рассудительной женщины никакой привязанности (*фр.*).

«Анна Петровна Керн».
Художник А. Федосеенко

Перечитала только что написанное и нахожу, что это очень напоминает панегирик, хотя мне не к чему писать его для вас, ибо вы не хуже меня знаете и угадываете все его достоинства. Это скорее просто портрет, о котором можно сказать, что он не приукрашен, хоть и не дописан.

В 4 часа.

Собираюсь выйти немного подышать свежим воздухом, но сперва хочу переписать для вас из г-жи Сталь прекрасный отрывок о религии. Он в самом деле великолепен. Я старалась перевести его как можно лучше, чтобы вы могли познакомить с ним и того, кто умеет ценить

прекрасное во всем. Вы меня понимаете и, разумеется, дадите ему это прочесть. Хоть перевод и дурен, все же через него можно распознать красоту слога писателя.

Сейчас немножко прокатилась, и хотя не рассеяла снедающей меня грусти, но закружила голову и от этого устала немножко. Кир И. был у меня, теперь я ему сказала все поручения ваши к нему, и он благодарен. Говорит, что и теперь часто мысленно вас на руках носит. Он очень добрый и честный человек, но теперь я редко имею случай его видеть, принял должность старшего адъютанта и все сидит дома. Он уже давно не имеет писем – вот все, что он мог мне сказать, а оба первых письма я читала. То, что было написано ко мне, я зашила вместе с резедой в кусочек материи и привязала к своему крестик, о чем вам, кажется, писала.

Прощайте, добрый мой ангел, до вечера. А пока буду отдыхать. Когда бы я не для вас писала, мне бы казалось, что пишу слишком много. Но ведь это и для меня тоже. Как подумаю, что это может доставить вам приятную минуту, мне и самой делается приятно. Так что я трачу на это время из благородного эгоизма.

№ 26

Вечером в 7 часов.

Мне пришла в голову странная мысль, не должно бы вам о ней рассказывать, но, привыкши все разного разбора мои мысли вам открывать, и эту скажу. Вот она: мне вдруг пришло в голову, что мои письма могут вам наскучить, что вы устаете, их читая, это я вообразила особенно с этой почтой; я вам советую читать с расстановкой и сделать дневку хоть на половине.

Теперь скажите мне, справедлив ли мой страх, ежели мои глупости могут хотя малейший сделать вред драгоценному вашему здоровью, я велю красноречию моему замолчать; и поверьте, мой ангел, что жертва меньше с вами беседовать не трудна будет для меня, если противное может быть для вас вредно. Меня очень утешает, что вы маменьке читаете мой журнал; продолжайте, мой бесценный милый ангел, сообщать ей возможные статьи.

Письма ваши и Анны Николаевны я очень аккуратно получаю, но оставляю их у себя до свидания с ней, которое должно быть скоро, потому что мы недавно узнали, что мать ее родила дочь Марью и, верно, не останется долго в Петербурге, она большая хозяйка и не любит столицу. Впрочем, она так считает себя счастливою, что везде довольна своим состоянием.

Я бы очень рада скорее увидеть Анету, было бы с кем душу отвести.

Теперь у меня слезы навернулись на глаза; ваше письмо лежит развернутое на столике – сколько различных, вместе горестных и приятных чувств оно во мне возбудило; начертание руки вашей, надпись земного, потерянного для меня, рая, – все это производит движения души, превосходящие всякое описание. О, боже мой! Какие бы жертвы я в состоянии сделать, чтобы он соединил меня с вами, все, что я имею, отдала бы с радостью. Лишь тогда достало бы у меня силы следовать стезей добродетелей: ни одна из них не осталась бы чуждою моей душе! Всякий бедняк был бы мне другом, всякий несчастный – братом. Теперь же я только то и делаю, что стенаю под бременем собственных горестей, и у меня нет сил на добрые дела; беда моя подавила во мне все способности, и у меня хватает сил только на то, чтобы говорить о ней с единственным сердечным другом моим, лишь на ее груди ища себе утешения, да лить слезы о том, что мы так ужасно далеко друг от друга.

9 часов.

Только что у меня снова был разговор с мужем, речь шла о его поездке за границу, он решил в сентябре ехать в Петербург, там получить отпуск и в начале весны отправиться. Он заявил мне, что готов, ежели я этого хочу, перейти в армию Ермолова, но уж тогда пусть я имею в виду, что мы с ним навсегда расстанемся, – я бы этому только рада была (ибо для меня невозможно составить его счастье), одно лишь меня удерживает – страх доставить неудовольствие папеньке: я была бы безутешна (даже подле вас), зная, что из-за меня он несчастлив. Что вы посоветуете мне, мой ангел?

Напишите, буду ждать вашего ответа со страстным нетерпением.

Ежели вы полагаете это возможным, напишите, что вы на этот счет думаете.

Положение мое достойно жалости. Прощайте на сегодня. Спросите у Иммортеля, рад ли он будет, ежели скоро увидит меня в ваших местах. Спросите его об этом непременно и перескажите мне его ответ, я не успокоюсь, пока не узнаю его. Доброй вам ночи, пусть спит спокойно весь этот маленький мир дорогих мне существ, коих я люблю больше себя самой.

Понедельник, 9-го, в 10 часов утра.

Только что я успела встать с постели, как мне сказали, что приехал Лаптев, чтобы справиться о моем здоровье. Он очень тревожился о Катеньке, но теперь все уже прошло, и она вне опасности.

Прощайте, мой бесценный ангел, Христос с вами. «Les hommes froids et égoïstes trouvent un plaisir particulier à se moquer des attachements passionnés et voudraient faire passer pour factice tout ce qu'ils n'éprouvent pas» (Stael)²³.

Вот точно так же, мой ангел, и все те, кто меня окружает, никогда не способны были судить о силе и природе моей привязанности к вам.

²³ Люди холодные и себялюбивые находят особое удовольствие в том, что высмеивают чувство страстной привязанности и готовы объявить неестественным все, чего сами не испытывают (Сталь) (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.